ПЕЧОРСКІЙ КНЯЗЬ *).

Ѣхать ли дальше, на Печору? Стоитъ ли вновь рисковать временемъ и здоровьемъ въ виду того, что работа ограничена срокомъ и суровая зима, видимо, обѣщаетъ встрѣчу съ лютыми полярными морозами?

Эти досадные вопросы тотчасъ же и напросились вновь, какъ только раскинулась по гористому берегу, вообще весьма картинной, рѣки Мезени деревня Вожгоры. Отсюда прямо-таки и начинается зимняя дорога въ эту страну, называемую у мѣстныхъ неученыхъ географовъ «Отдаленой» и, на самомъ дѣлѣ, представляющую собою край совершенно отдѣленный отъ прочихъ архангельскихъ. Онъ живетъ самобытною жизнью, находится въ зависимости отъ Пермскаго края по торговлѣ и отъ камскаго Сарапульскаго края по хлѣбному продовольствію; съ Архангельскомъ онъ имѣетъ сношенія лишь на короткое время зимою,—лѣтомъ почти совершенно недоступенъ. Десятки лѣтъ серьезно

*) Отдавшись воспоминаніямъ съ тѣмъ убѣжденіемъ, что память относительно прошлаго есть то же, что заключеніе, догадка и представленіе относительно будущаго, продолжаю ихъ, пользуясь гостепріимствомъ *Русской Мысли*. Беру давнія и далекія, какъ выдающіяся въ наиболѣе ясныхъ образахъ, съ памятными и знакомыми чертами. Изъ этихъ, прежде всего, напрашиваются тѣ, которыя не входили въ планъ сочиненія, когда писалась книга *Годъ на сѣверѣ*, или выскользнули изъ-подъ пера по торопливости срочной журнальной работы. Потомъ ихъ уже и не удалось ни изловить, ни пристроить. Съ послѣдними тѣсно связаны и такіе матеріалы, которые не могли быть разработаны и включены въ описаніе по многимъ причинамъ: по спеціальности программы печатнаго органа, обязательной для статей (*Морскаго Сборника*), по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ (въ вопросахъ о расколѣ) и по времени, когда много невольно сдерживалось въ печати личными авторскими отношеніями (вродѣ предлагаемаго въ настоящей статьѣ) и проч. Этотъ „недовѣсокъ“ (говоря торговымъ языкомъ), эту прибавку для полнаго вѣса числилъ авторъ въ долгу за собой и теперь спѣшитъ очистить долгосрочную недоимку. Читатель уже не найдетъ здѣсь того, что было сказано въ двутомномъ сочиненіи его.

толкуютъ о томъ, чтобы отдѣлить его въ самостоятельный, независимый отъ Мезени уѣздъ, оставивъ почему-то за Архангельскою губерніей.

Начинать изслѣдованія приходится, стало быть, снова и по другимъ пріемамъ, съ обязательными неудачами при торопливыхъ работахъ, когда приходится брать не то, что хочется, а то, что дадутъ Христа-ради, на бѣдность. Не очутиться бы и здѣсь въ томъ же безвыходномъ и обидномъ положеніи непрошенаго гостя, какъ нерѣдко доводилось испытывать въ раскольничьемъ Поморьѣ. Первое же спопутное селеніе на Печорѣ, Усть-Цыльма, населено старовѣрами и, притомъ, точно такими же, которые не ѣдятъ изъ чужой чашки, въ открытую спорятъ о правотѣ своей вѣры и въ ревизскихъ сказкахъ изъ 1,260 душъ мужскаго пола записали $^1/_5$ часть (250 чел.) незаконнорожденными. Въѣдешь какимъ-то оглашеннымъ, выѣдешь несолоно хлебавшимъ. Не съ той ноги коренная лошадь тронетъ съ мѣста или ямщикъ съ лѣвой стороны взберется на козла, косой заяцъ перебѣжитъ дорогу—и снова покажется, что всѣ сговорились молчать и столпились тѣсною стѣной, чтобы заслонить самые рѣдкостные, любопытные и поучительные виды.

Подсказываютъ знающіе:

— Печорцы добрѣе, хлѣбосольнѣе, проще и откровеннѣе. Они даже до того простодушны, что купца Вишау, ѣздившаго съ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ Пащенкой, приняли за большаго человѣка изъ самаго Питера. Когда узнали и увидали, что онъ отлично бѣгаетъ на лыжахъ, еще больше укрѣпились въ своемъ предположеніи, сказавши себѣ и другимъ, что въ Питерѣ большихъ людей учатъ бѣгать на лыжахъ и ламбахъ. «Гдѣ купцу сдѣлать экое дѣло!». При отправленіи заѣзжихъ въ обратную, народъ собрался толпами, обступилъ ихъ. Одинъ пьяный кричалъ всѣмъ встать на колѣна. Когда лошади тронулись, вся толпа побѣжала черезъ Печору и сдуру кричала «ура». Долго потомъ не могли разувѣрить народъ въ очевидной ошибкѣ.

Совѣтуютъ тамошніе:

— Непремѣнно надо съѣздить, воспользовавшись случаемъ, когда зима сковала болота и настлала по тундрамъ прямыя дороги во всѣ желаемыя стороны. Край—богатый дарами природы, непочатыми и даже неизслѣдованными, крайне любопытный и совершенно неизвѣстный. Очень рѣдко кто его посѣщаетъ иначе,

какъ по скучнымъ казеннымъ порученіямъ и служебнымъ обязанностямъ. Въ 1838 году пріѣхали, 26 ноября, по просьбѣ самихъ печорцевъ, слѣдователи, большіе чиновники, которые на Печорѣ не бывали отъ начала міра.

Губернаторы тамъ не бываютъ вовсе, и если который соберется навѣстить, то лѣтомъ, въ досужее время, ѣздитъ на Вологду и на Пермь, оттуда на г. Чердынь, дѣлая громадную околесицу на большія сотни верстъ. Посѣщеніе архіерея составило эпоху и вызвало легенды, которыя живы до сихъ поръ. Незначительные и пустые, самые обыкновенные случаи приняты за событія чрезвычайной важности и крупнаго значенія. Ихъ хорошо помнятъ и непремѣнно сообщаютъ.

Приходится выслушивать отъ многихъ цѣлый подробный разсказъ о поѣздкѣ епископа холмогорскаго Георгія въ 1831 году, отправившагося не столько по доброй охотѣ для обозрѣнія запечорскихъ приходовъ, сколько по предписанію синода, озабоченнаго въ то время ревностнымъ миссіонерствомъ среди самоѣдовъ при содѣйствіи архимандрита Сійскаго монастыря Веніамина Смирнова (съ 1825 по 1830 годъ).

У одной избушки - кушни для перемѣны лошадей остановился преосвященный со своею свитой. Около повозки суетятся дьяконы, хлопочутъ пѣвчіе. Архіерей не вылѣзаетъ изъ повозки и торопитъ запрягать лошадей. Ему докладываютъ о проѣздѣ старушки, которая везетъ внука опредѣлять въ архангельскую семинарію. Онъ велитъ будущаго семинариста поставить подъ архипастырское благословеніе и привычно спрашиваетъ:

— Умѣешь ли ты пѣть?

— Умѣю, да худо.

— Ну, спой что-нибудь, хотя Святый Боже.

Мальчикъ молчитъ и заставляетъ повторить приказаніе, но снова продолжаетъ упорно отмалчиваться, тѣмъ болѣе, что большіе и малые пѣвчіе окружили печорскаго дикаря и пощипываютъ.

Георгій, видя замѣшательство совершенно оробѣвшаго ребенка, милостиво и благосклонно говоритъ съ добродушною улыбкой:

— Экой упрямецъ! Ужо въ семинаріи выучатъ.

Эта самая семинарія, разрѣшая ученикамъ родомъ съ Печоры отпускъ на лѣтнее вакаціонное время, вынуждена была дозволять его не иначе, какъ на цѣлые полгода, и то разъ или два во все время полнаго курса ученія. Чтобы добраться туда обыч-

нымъ, самымъ употребительнымъ лѣтнимъ путемъ, по которому до сихъ поръ еще таскаютъ почту, надо истратить цѣлый мѣсяцъ и испытать десятки препятствій и сотни приключеній. Второй лѣтній путь съ нижней Мезени отъ села Большія Нисогоры (съ устья Мезенской Пижмы, по этой рѣкѣ до трехверстнаго волока въ Пижму Печорскую и опять въ Цыльму) еще хуже и затруднительнѣе (а потому рѣдко посѣщается).

Посѣщеніе Печоры лѣтомъ — подвигъ; поѣздка туда зимою—обыкновенное дѣло переѣзда по такому тракту, на которомъ выставлены обывательскія лошади. Нѣтъ станціонныхъ домовъ, гдѣ бы можно было отдохнуть, но за то есть избушки, обитаемыя задичалыми зырянами и захудалыми стариками съ Мезени. Можно здѣсь перепачкаться сажей съ головы до ногъ, но, во всякомъ случаѣ, обогрѣть окоченѣлыя конечности.

Такъ успокоивали и уговаривали меня, рисуя контрастомъ лѣтній путь на ту же хваленую и неизвѣстную рѣку. Говорили:

— Надо пользоваться случаемъ, чтобы не упрекать себя потомъ во всю жизнь. Послушайте-ка, какъ достигаютъ до этой страны лѣтомъ. Легкимъ способомъ на пинежскихъ карбасахъ, которые всегда готовы къ услугамъ на Архангельской пристани, какъ обратныя, проплываемъ Двиной и рѣкой Пинегой до того волока, который предоставилъ свое нарицательное имя самому городку (названіе города Волокомъ—народное названіе, по рѣкѣ Пинегѣ—оффиціальное и книжное). Собственно пинежскій волокъ, какъ водораздѣлъ, не великъ: маленькую лодчонку—долбленую однодеревку можно купить за грошъ и донести на рукахъ до быстраго небольшаго ручейка, который превращается на второй день ѣзды въ настоящую рѣку Кулой, а на третій и послѣдній день пути въ необыкновенно широкую рѣку въ самомъ устьѣ. Стрѣлой мчится здѣсь лодка, совершенно въ противуположномъ направленіи отъ прямаго пути на Печору и рѣшительно въ сторону отъ нея,—прямо на сѣверъ. Въ селѣ Долгощельѣ лодку надо бросить: приводится выходить въ открытое море, огибать берегъ до устья рѣки Мезени и подвергаться случайностямъ. По Мезени полагается плаванія всего 35 верстъ до устья рѣки Пезы, извѣстной всѣмъ по своему знаменитому волоку, второму на пути. На этомъ водораздѣлѣ рѣкъ, текущихъ въ Бѣлое море, отъ впадающихъ въ Печору и, стало быть, непосредственно въ Ледовитый океанъ, дѣйствительно волокутъ, а не возятъ. Здѣсь народное суевѣріе силится нѣсколько вѣковъ подслужиться практическимъ

цѣлямъ, хотя и безплодно. На могилу богатыря, разбойника Туголукаго, всякій проѣзжій и прохожій обязанъ бросить щепу, вѣтку, камень, но доселѣ не набросали мало-мальски сносной гати: на этомъ болотистомъ перешейкѣ выросъ лишь небольшой холмикъ аршина два вышины и сажень въ діаметрѣ. Волокъ тянется 15—20 верстъ (по прямой линіи всего семь) и изъ Пезы добираются до него по рѣкѣ Рочугѣ. Самый же пезскій волокъ осиливается при помощи лошадей съ ямщиками. На половину ѣдемъ озерами, соединенными протоками, и въ одномъ лишь мѣстѣ попадается сухой еловый боръ. Весь пригорокъ оброс мохомъ и усыпанъ иглами хвои такъ, что нога скользитъ, какъ на паркетѣ. Рѣдко разставлены деревья, какъ въ чищеной рощѣ. Сидя на нихъ, посвистываютъ рябчики; убилъ одного, другой испугался, но далеко не улетѣлъ, а сѣлъ тутъ же на сосѣднемъ деревѣ. Тетерева и пеструхи качаются прямо надъ головами, безбоязненно поглядывая на прохожихъ въ томъ положеніи, которое говоритъ о равнодушіи птицы: либо глупа она, либо глуха, а, можетъ быть, то и другое исправно. Въ первомъ случаѣ она доказываетъ, на сколько дика самая мѣстность, рѣдко посѣщаемая для встрѣчъ и взаимнаго общенія людей съ ихъ разговорами и перебранками. Во второмъ она оправдываетъ свое названіе, придуманное птицѣ этой въ остальной Россіи (на всемъ сѣверѣ, какъ извѣстно, глухаря называютъ чухаремъ). На пезскомъ волокѣ лодки втаскиваемъ на сани, настоящія сани на полозьяхъ. Полозья и оглобли—одинъ кусокъ дерева. На концѣ полозьевъ четыре копылища, по два на каждой сторонѣ. Наверху копылища перетянуты сучками; на связкѣ лежатъ доски. Тутъ же подлѣ избушки стоитъ и катокъ или ось съ двумя колесами, весьма неправильными, сплошными кругами. На эти волоки (сани) больше десяти пудовъ не кладутъ. Съ ними волочемся мы по мокрой болотистой грязи и ослизлой травѣ, чтобы во-очію не утрачивала буквальнаго значенія историческая поговорка, что и лѣтомъ на саняхъ воеводу возимъ. Разъ отпряжемъ лошадей и плывемъ изъ одного озера въ другое протекой на лодкѣ, а въ другой разъ ведемъ лошадей по худо намѣченной и едва протоптанной тропѣ, и тащимся такъ-то до рѣчки Чирки. Здѣсь опять стоитъ и дожидается насъ другая казенная избушка на курьихъ ножкахъ и объ одномъ окошкѣ,—задымленная и прокопченая насквозь кушня. Другихъ дорогъ нѣтъ и единственная обязательно должна привести сюда. Изъ бору дорожка вышла прямо въ болото, на которомъ

была когда-то гать, а черезъ ручеекъ мостикъ. Все это погнило, а съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли и послѣдніе слѣды пути. Сбиться съ него, выйдя изъ живой цѣпи опытныхъ провожатыхъ, и зайти за края того кольца, гдѣ еще можетъ быть дѣйствительнымъ и сильнымъ человѣческій голосъ, при помощи лѣснаго эхо,—значитъ заблудиться и погибнуть.

— Я ѣхалъ съ бабушкой домой въ Ижму,—разсказывалъ Мих. Өед. Истоминъ (съ полнымъ успѣхомъ и много поработавшій съ пользою для роднаго края, заслуживающій благодарности и ожидающій справедливо оцѣнки, какъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей отечественной мѣстной печати).—У бабушки моей, сверхъ необходимаго барахла (всякаго скарба и носильнаго платья), былъ еще ящичекъ, въ который она наклала всякой ненужной дряни, лоскутковъ и тряпья. Ямщики даромъ насъ не везутъ черезъ волокъ, просятъ 20 рублей асс., а денегъ у насъ нѣтъ. Что тутъ дѣлать? Надо хитрить. Я завелъ рѣчь о пороховыхъ заводахъ, сказалъ, что много ихъ сгорѣло, и порохъ сильно вздорожалъ, даже и нѣтъ его въ продажѣ: самой казнѣ недостаетъ пороху. Мужики заахали, а это мнѣ и нужно было. Дѣло въ томъ, что я везъ фунта три пороху. «Вотъ,—сказалъ я,—много ли тутъ, а я заплатилъ 30 р., да и то едва-едва досталъ черезъ людей». Мужики взмолились: «дай намъ сколько-нибудь!» Предложилъ его ямщикамъ,—они и согласились везти насъ. Надъ бабушкинымъ ящикомъ заломались. У меня съ ней вышелъ споръ. Я хочу, чтобы всю эту дрянь бросить, а бабкѣ жалко. Тогда я взялъ ящикъ и бросилъ его въ рѣчку. Она разсердилась, не молвила ни слова и исчезла въ лѣсу. Я подумалъ, что она пойдетъ черезъ волокъ, и самъ потянулся имъ слѣдомъ за другими. Мы пришли къ Чиркѣ, а бабушки тамъ нѣтъ. Рѣшили, что либо она пошла стороной, либо заблудилась, либо съ намѣреніемъ не выходитъ изъ лѣсу, чтобы дать внуку урокъ. Однако, ждать-пождать, а старухи все нѣтъ. Я влѣзалъ на высокія ели, смотрѣлъ кругомъ, кликалъ,—не было отвѣта, только эхо гудѣло въ лѣсу. Стемнѣло. Мы такъ и положили, что старуха заблудилась. Можетъ, она явится утромъ, не то намѣревались поискать. Ямщикамъ надо было ѣхать обратно, но они остались съ нами ночевать. Памятна мнѣ была эта ночь! Холодно, сыро: какъ ни стараешься укутаться, сырость и вѣтеръ берутъ свое, а печь въ избѣ нетоплена, окна повыбиты. Я не могъ сомкнуть глазъ: чего-

чего ни передумалъ! Жаль было бабушки и я горевалъ ужасно. Напросился незваным покойный мужъ ея и дѣдъ мой, священникъ Іоаннъ Истоминъ, погибшій на этомъ самомъ мѣстѣ изъ виду и на глазахъ этой же самой бабушки, въ 1806 году, въ Троицынъ день. Печальный фантастическій образъ его такъ и возсталъ передо мною и не давалъ во всю ночь сомкнуть глазъ. Не его ли тѣнь вызвала и мою старуху, или она сама услыхала его голосъ и пошла на милые, забытые звуки? Вотъ какъ дѣло было. Епархіальному архіерею сдѣлали доносъ на дѣда, будто бы онъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми крестьянами, ходилъ на медвѣдя. Не знаю, справедливъ ли былъ этотъ доносъ, но не могу и не сомнѣваться. По преданію, дѣдъ былъ человѣкомъ общительнымъ, откровеннымъ, веселаго характера и могъ быть за панибрата съ зырянами; къ тому же, онъ былъ одаренъ необыкновенною силой, которая могла во всякое время, особенно подъ хмѣлькомъ, соблазнить его потягаться съ медвѣдемъ. Какъ бы то ни было, но преосвященный потребовалъ его къ отвѣту и по тому суровому времени и безконтрольной деспотической власти могъ, дознавшись вины и не слушая никакихъ представленныхъ оправданій, обрить ему полголовы и полбороды. Такъ уже и случилось это съ однимъ его предмѣстникомъ, забѣжавшимъ, со страху, послѣ такой резолюціи, въ скиты раскольниковъ Топозера. Для дѣда на ту пору стояло время лѣтнее, но путь былъ трудный. Когда бабушка уговорила мужа взять ее съ собою, онъ не прекословилъ. Отправившись, тянулись бичевой, ѣхали на шестахъ по Цылмѣ, рѣкѣ быстрой и порожистой. Спускаться съ пороговъ опасно и трудно, а подниматься еще труднѣе и опаснѣе. Греблей нѣтъ возможности не только подвигаться впередъ, но и держаться противъ быстринъ. Такое плаваніе возможно лишь тамошнимъ бывалымъ пловцамъ. Съ ними вошли наши путники въ рѣку Чирку, мелкую, каменистую и быструю, а по ней черезъ 25 верстъ добрались и до пезскаго волока. День былъ ясный и теплый. Чирка сверкала и прыгала по каменьямъ. Пробѣжитъ она въ одномъ направленіи саженъ пятьдесятъ, много сто, и своротитъ въ сторону. Доплыли путники до порога Кременцы. Разлился онъ почти на версту: отыскала вода межъ грудами каменьевъ проходецъ и несется съ ужасною быстротой. Спуститься по такому сливу опасно: того и гляди наскочитъ лодка на камень и быстерь окружитъ и зальетъ ее. Вотъ около этого-то мѣста вдругъ дѣдъ мой приподнялся въ лодкѣ и

сталъ прислушиваться. Въ лицѣ его произошла перемѣна: вступила кровь и глаза засверкали. Онъ долго и чутко прислушивался къ чему-то. Потомъ тихонько сказалъ женѣ, что ему изъ лѣсу слышится отдаленный звонъ, ясно доносятся даже звуки нѣсколькихъ колоколовъ. Моя бабушка сомнительно покачала головой: откуда могъ быть слышенъ колокольный звонъ, когда кругомъ на двѣсти верстъ совершенно мертвая пустыня? Но дѣдъ стоялъ на своемъ. Велѣлъ онъ ямщикамъ пристать къ берегу. Выходитъ дѣдъ на гору, уходитъ въ лѣсъ, сказавъ бабушкѣ, что провѣдаетъ, гдѣ звонятъ, и тотчасъ воротится. Ждутъ часъ, ждутъ другой, ждутъ цѣлый день,—опальнаго дѣдушки нѣтъ, какъ нѣтъ. Пошли искать въ лѣсъ въ разныя стороны. Искали недѣли двѣ, тужили, но не нашли никакого слѣда. Только нашли его шляпу: виситъ на сучкѣ. Вернулись, наконецъ, домой, хоть и страшно стало: станутъ спрашивать, куда дѣли дѣда. Изъ Ижмы тотчасъ же отправлена была партія для поисковъ, но и она возвратилась безъ успѣха: старикъ исчезъ безъ всякаго слѣда. Только впослѣдствіи ижемскіе богомольцы, ходившіе въ Соловецкій монастырь, разсказывали, будто они видали его тамъ въ числѣ схимниковъ. Узнавали же его по бородавкѣ на лбу и проч.; другіе будто бы даже разговаривали съ нимъ. Все это не имѣетъ признаковъ достовѣрности. Одинъ Богъ знаетъ, что случилось съ дѣдушкой! Вотъ теперь, видимо, дошелъ чередъ и до бабушки, подумалъ я. Заныло у меня сердце. Лежу не сплю, сдумаю и вскочу съ мѣста,—сильно боюсь я того, что вотъ-вотъ и мнѣ, въ свою очередь, послышится роковой колокольный звонъ. Что-то похожее ужь и мерещилось, да настало утро. Всѣ проснулись и рѣшили разойтись по лѣсу искать старуху. Мои спутники, ямщики, разумѣется, боялись отвѣтственности: какъ страшно придралась бы къ нимъ земская полиція,—Боже упаси! Бродили въ лѣсу до полудня, но тщетно. Я былъ въ отчаяніи, прочіе въ тревогѣ. Наконецъ, подъ вечеръ явилась наша старушка, еле жива, въ грязи, въ лохмотьяхъ, въ крови. Всѣ обрадовались, что еще жива. Пошли разспросы: что и какъ? Она разсказала, что пошла сначала по дорогѣ, потомъ—около озера, гдѣ тропинка едва замѣтна, и сбилась съ пути. Побрѣла она цѣликомъ но болотамъ, по лѣсу: шла цѣлый день до поздняго вечера. Когда ужь совсѣмъ выбилась изъ силъ, то сѣла подъ дерево, перекрестилась и стала ждать смерти: думала, что съѣдятъ ее звѣри, какъ и покойнаго мужа. Ночью

слышала вблизи вой волковъ и ревъ медвѣдей. Настало утро, она опять пошла, куда глаза глядятъ, питалась ягодами, рвала малину, ѣла красную и черную смородину, собирала морошку и сцыху (гонобобель). Около полудня заслышала голоса. На нихъ-то и потянулась она прямо болотами и непроходимою чащей. Сучья изхлестали все лицо въ кровь, изорвали платье въ клочья. Вотъ и добралась до насъ. Тутъ и вся исторія!... Добытая нашими усиліями и медвѣжьимъ терпѣніемъ, рѣка Чирка—не рѣчка, а ярый потокъ, сплошной, клокочущій порогъ, усѣянный каменьями. Между ними лодка мчится стрѣлой и выносится въ Цыльму, также не широкую, также порожистую, но болѣе степенную и сравнительно смирную. Пороговъ на ней множество, и иные изъ нихъ весьма опасны. Страшно, однако, то обстоятельство, что отъ послѣдней деревни по Пезѣ до деревни Носовой на Цыльмѣ, на разстояніи почти 300 верстъ, нѣтъ селеній. Рыбы въ Цыльмѣ пропасть, да некому ее ловить. Изрѣдка, гдѣ-нибудь на берегу, встрѣтится жилье, и то не селеніе, а какой-нибудь одинокій крестьянскій домъ, по бо̀льшей части раскольничій: въ двухъ углахъ образа; передъ восточнымъ угломъ налой; на немъ старопечатная псалтырь; тутъ же писаныя святцы, поученія Златоуста, кожаныя лѣстовки. Рожь сѣютъ рѣдко,—сбиваетъ морозъ,—житная (ячменная) мука своя, ржаную покупаютъ. Живутъ больше промысломъ рыбы. Одна хозяйка подшутила: «Вотъ мы каковы: роду мы большаго, кореня толстова, отпить-отъѣсть нѐ у кого!» Цыльма чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ глубже; пороговъ нѣтъ; берега становятся ниже; скотъ попадается все больше комолый (безрогій). Исчезаютъ лѣса и замѣняются пожнями... Плыли мы по Цыльмѣ безъ малаго недѣлю, до села Усть-Цыльмы, но тутъ уже своя сторона. Оставалось до Ижмы только сто верстъ—рукой подать!

Въ самомъ дѣлѣ,— рѣшилъ и я, въ свою очередь, про себя,—послѣ тѣхъ пространствъ, которыя удалось сдѣлать прежде, что́ значатъ 230—250 верстъ, конечно, неизвѣстно какихъ: старинныхъ ли семисотныхъ, или нынѣшнихъ пятисотныхъ, вѣрнѣе—вымѣренныхъ пословичною бабьею клюкой? Конечно, послѣ свѣжихъ опытовъ, не въ разстояніи заключается дѣло, и даже не въ той тысячѣ верстъ, которыя объявятся на самой Печорѣ и сдѣлаются сверхъ сыта обязательными тамъ. Лишь бы

не сыграть въ-пустую, оставшись одинокимъ и безпомощнымъ. Не очутиться бы тамъ въ томъ глупо-комическомъ положеніи, которое наивно рисуетъ безграмотное либретто безсмертной оперы Глинки, при буквальномъ смыслѣ аріи: «Въ поле чистое гляжу, вдоль по рѣкѣ очи вожу»? Забираться ли въ такую глухую даль?

Этотъ страшный вопросъ неотступно преслѣдовалъ, несмотря даже на то, что со всѣхъ сторонъ и всюду увѣряли въ одномъ:

— Тамъ князь, вы прямо къ нему! Добрѣйшій онъ человѣкъ!

— Князь у нихъ въ царево мѣсто, надо такъ говорить по-Божьему,—объявляли мезенцы.

— Что князь велитъ, то все и сдѣлаютъ!—говорили еще въ Архангельскѣ.

Такими совѣтами напутствовали меня отъ самаго Архангельска на всей счетной тысячѣ верстъ.

Черезъ два дня на третій я былъ уже на этой Печорѣ, въ селѣ Усть-Цыльмѣ (когда, наконецъ, рѣшился пуститься въ Отдалену, хотя она и не входила вовсе въ казенную программу командировки). Въ отводной избѣ, жарко натопленной, очумѣлый, заспавшійся старикъ, слѣзая съ печи и спускаясь по приступкамъ, ворчалъ на большуху:

— Ишь, какъ нажарила сдуру, ребро за ребро задѣваетъ,—столь тяжко!

— Чай, вѣдь, онъ намерзалъ четверы сутки,—отвѣчала она, ссылаясь на меня, когда я уже успѣлъ развязать свой чемоданчикъ, оттаять замерзшія въ походной черниленкѣ чернила и развернуть странички своего дневника, чтобы вписать въ него на память эти первыя привѣтствія печорцевъ слово въ слово.

Тѣмъ временемъ старикъ успѣлъ испить кваску, потянуться, очухаться, обчесаться. Онъ пришелъ въ себя и заговорилъ:

— Ты, чай, до князя пріѣхалъ? Куда больше? Не къ кому!...

И позѣвнулъ.

— Мимо нашего князя никому не проѣхать! — вмѣшалась хозяйка.

— Добрый онъ у насъ,—такой добрый, что лучше намъ и не надо!—подкрѣплялъ старикъ.

— Пошто не добрый! Не нажить намъ другаго такого!—поддакнула толстая, вся въ пестрыхъ ситцахъ, большуха.

— Этотъ человѣкъ,—толковалъ дѣдъ,—долго будетъ на людскихъ памятяхъ! Съ богатыми онъ богатый, съ нужными (бѣдными) нужный.

— Онъ у насъ, батюшко,—продолжала словоохотно болтать хозяйка,—захворалъ онагдысь. И такъ его круто свернуло, что днями лежитъ и горитъ. Недѣлями ужь мы стали считать, а онъ все, свѣтъ нашъ, что бревнушко лежитъ и не шелохнется. Сдумали мы, что онъ, знать, помирать собрался, не отойти ему. Кое-какія изъ бабъ тыхъ саванъ ему стали шить. Всполохнулись мы тогда всѣ. Все село на ноги поднялось. Страху всѣ дались, какъ бы и впрямь онъ не померъ. Что мы тогда безъ него?

— Бабы совѣтъ такой промежъ себя собрали и положили лечить его,—перебилъ старикъ.—Скажи-ко теперь сама, какъ вы лечили его?

— Да, вѣдь, и вылечили же, молитвы читали! Съ нашего-то дѣла, съ того самаго дня, ему и отпустило, раздышался, сталъ въ себя приходить и вздынулся. Здоровъ, вѣдь, теперь. Была у него огнёва (горячка или нынѣшній тифъ), отъ которой люди въ себя не приходятъ и помираютъ въ безпамятствѣ. Объ стѣну она не бьетъ, а держитъ плашмя и все нутро огнемъ выжигаетъ. Одиннадцать сестеръ у этой болѣсти, она двѣнадцатая: лихоманка, трясуха, гнетуха, ломовая, маяльница...

— Онѣ что сдумали-то, бабы-то,—перебилъ снова дѣдъ свою большуху.—Сколько васъ было?

— Десятка два набралось.

— Вотъ всѣмъ-то этимъ суемомъ онѣ принесли ушатъ холодной воды полнехонькой. Подкрались къ князиной кровати сзади, да и окатили его: весь ушатъ вылили, сколь онъ ни великъ былъ, такъ весь и бухнули на князеньку нашего.

— Пять бабъ волокли, да еще двѣ подхватывали и опрокидывали,—подтвердила большуха.

— Это она правду говоритъ, что сталъ съ того дня князь поправляться, съ этой самой со глупости-то бабьей. Не то онѣ болѣсть ту напугали, не то сама она ихней затѣи испужалась, Богу вѣдомо! Однако, вышло изъ князя все зло коренье. Сгило оно и пропало, чистъ сталъ!... Вотъ, теперь ты, хозяйка, разсказывай, какъ это вамъ въ голову вошло снадобье такое. Ну, да ладно, я самъ разскажу... На суемѣ бабы стояли и такой совѣтъ

держали. Всѣмъ бы князь святой человѣкъ, одно поганитъ его. За это самое, видно, Богъ разсердился и наказуетъ этакою приткой. Не истовымъ крестомъ князь молится, а никоновою щепотью, которой и табакъ въ носъ пихаетъ. Дай освятимъ. Перекрестить его надо, можетъ-де онъ, по своей-то землѣ, и обливанецъ еще. Стали по требнику начитывать, со своими молитвами и въ горницу вошли. И когда изъ ушата ухнули, эти самыя молитвы читали на голосъ. Поди разговори ихъ теперь, что онъ сталъ не ихней вѣры! Теперь, говорятъ, вовсе онъ нашъ сталъ, какъ бы и совсѣмъ прирожденный. Господа, однако, смѣются князю, да и онъ таково-то кротко на ихъ слова отсмѣивается. Въ церковь онъ, попрежнему, ходитъ, такъ это вишь (толкуютъ бабы) для начальства, страха ради іудейска. Ничѣмъ ихъ не спятишь съ того, что забрали въ голову.

Вотъ и добрые признаки въ этой добродушной откровенности, обращенной ко мнѣ, безъ всякаго съ моей стороны вызова, хотя бы даже случай этотъ и былъ уже мнѣ извѣстенъ въ Архангельскѣ, и самъ князь подтвердилъ его. Дѣйствительно, женщины силкомъ ворвались къ нему, сбивши съ ногъ слугу и заранѣе подговоривши въ свой заговоръ княжескую кухарку. Операція рѣшена была полнымъ консиліумомъ всего устьцылемскаго бабьяго царства (женщинъ, сказать мимоходомъ, по всему Архангельскому краю, включительно до маленькихъ дѣвочекъ, зовутъ «жонками», на Печорѣ же господствуетъ общерусское слово «бабы»).

Весело глянулось на другой день на Божій свѣтъ, хотя послѣдній на то время (въ декабрѣ) обозначался лишь сумерками; знать, и лошади принимали узенькую дорожную кибитку мою съ правой ноги, и заяцъ не перебѣгалъ дороги, и ямщикъ не садился на козлы, а громоздился на переднюю лошадь, такъ какъ мы принуждены были всю дорогу ѣхать гусемъ. Дорога шла такъ называемою Верхнею Тайболой — обширными сплошными лѣсами, исконною глушью, гдѣ, на огромномъ просторѣ, мѣстами залегли болота, замерзающія поздно, лишь на лютыхъ морозахъ, мѣстами разлились озера, казавшіяся на то время снѣжными полянами. Тамъ, гдѣ дорога вступала въ еловые и сосновые лѣса, среди которыхъ располагались красивыя и стройныя лиственицы (иногда сплошными рощами, но чаще вкрапленными въ борахъ отдѣльными насажденіями или кущами), дорога имѣла подобіе совершеннаго корыта. Его выколотили зем-

скія лошади копытами, и оно давало собою, все-таки, скорѣе тропу, чѣмъ дорогу. Она самыми причудливыми колѣнами извивалась между гигантскаго роста деревьями, среди которыхъ лиственицы имѣли до первыхъ сучьевъ по 7 саженъ въ вышину. Дорога лежала гладкимъ полотномъ лишь тамъ, гдѣ попадались калтусы—не слишкомъ вязкія болота, отчасти покрытыя водою даже среди лѣта, и веретьи—чистыя площадки, не заросшія деревьями или кустарниками.

Охотно, съ добрыми надеждами, шелъ я на свиданіе съ княземъ, вспоминая прошлые дни неудачъ и пріемы богачами и вліятельными людьми въ Поморьѣ. Бывало, всегда выходило какъ-то такъ, что на первыхъ шагахъ въ новомъ селеніи я попадалъ прямо на шахматные полы верхняго этажа этихъ богачей, а не въ иную, побѣднѣе, избу. Кормщикъ, управлявшій рулемъ почтоваго карбаса и замѣнявшій, такимъ образомъ, ямщика, передавалъ меня слѣдующему, съ очевиднымъ наказомъ—проводить въ такое мѣсто, куда приказано гдѣ-то и кѣмъ-то, оставшимся назади и невѣдомымъ. Такова, значитъ, сила подорожной по казенной надобности, съ прибавкою печатнаго указа губернскаго правленія. При входѣ въ домъ тотчасъ же начинается угощеніе. Богачъ въ Ковдѣ, Матвѣй Ивановичъ Клементьевъ, хлопотливо суетится около самовара самолично. Возвращаясь въ комнату, низко кланяется и усердно старается угостить каменными баранками, пряниками, гнилыми орѣхами. Видимо, любитъ онъ принять заѣзжихъ гостей, думалось мнѣ, но на повѣрку оказалось, что онъ человѣкъ замѣчательной скаредности и зараженъ язвою стяжанія новыхъ прибытковъ въ наибольшей степени сравнительно съ прочими. Прижимистъ онъ и неподатливъ; ни на какія уступки не ходитъ и чужими бѣдами не смущается. Онъ даже прославился тѣмъ, что охотно откупалъ бѣдняковъ отъ рекрутства и затѣмъ забиралъ ихъ къ себѣ въ кабалу, заставляя работать на себя за 50 руб. асс. въ годъ, при своей одеждѣ. При этомъ онъ требовалъ еще перекрещиванья и обязывалъ купить для питья особую чашку и держать ее всегда при себѣ. Словно эта вѣра—его личный капризъ и придурь, изъза которой бѣдняки должны гнуться въ три погибели, молиться затребованнымъ старымъ крестомъ. Гдѣ-нибудь за глазами они, все-таки, пускаютъ въ обѣ ноздри табачный дымъ и чокаются въ кабакахъ артельными шкаликами и стаканчиками. Этотъ Клементьевъ такъ и ходилъ за мной, чтобъ я не пошелъ смотрѣть,

хотя бы невинный заборъ, устроенный для ловли семги. Прислушивался онъ къ моимъ разговорамъ и разспросамъ, предупреждалъ своими отвѣтами тѣ вопросы, которые обращалъ я къ рабочимъ промышленникамъ. Онъ такъ и не выпустилъ меня изъ плѣна, буквально не спуская со своихъ глазъ. Савинъ въ Керети повыступилъ совершенно въ такой позѣ, въ какой, въ знаменитой картинѣ правдиваго Ѳедотова *Сватанье майора*, представленъ отецъ невѣсты: вырядился въ непривычную долгополую нарядную сибирку и даже нижнюю пуговку еще не успѣлъ застегнуть. Какъ будто бы Савинъ заробѣлъ: «есть чему (объясняютъ),—онъ свѣженькій федосѣевецъ, еще не обсохъ отъ втораго крещенія, которое совершилось надъ нимъ тамъ, въ корельскихъ скитахъ, кажется, на Топозерѣ». Понуждался я въ сельскомъ начальствѣ для помощи, — Савинъ послалъ за нимъ своего парня. Пришедшая власть поклонилась сначала ему, хорошо разумѣя, что позванъ пріѣзжимъ человѣкомъ, съ которымъ еще не видался. На предлагаемые вопросы, онъ, собираясь отвѣчать, сначала читалъ въ глазахъ богача раболѣпно, покорнымъ и робкимъ взглядомъ, отыскивая рѣшеніе: «какъ повелитъ говорить твоя милость? Не провраться бы, не прогнѣвить тебя, нужнаго человѣка: съ тобой вѣкъ изживать, а налетовъ-то этихъ ѣздитъ довольно,—на всякаго не угодишь». Въ одномъ случаѣ, при такомъ же замѣшательствѣ въ отвѣтахъ, Савинъ не выдержалъ-таки и замѣтилъ оробѣвшему: «Говори же, братецъ, что знаешь и какъ дѣло понимаешь, ты это должонъ!... Что ты на меня-то пялишь глаза?» Игра на этотъ разъ велась уже до того открыто, что мнѣ становилось не столько досадно и обидно, сколько смѣшно. Чего тутъ, въ самомъ дѣлѣ, скрывать на этомъ семужьемъ заборѣ, на этой ловлѣ сѣтью—гарвою? Знай-болтай: сколько запущено нершей, какъ зовется продольное колье и какъ поперечное, когда ставятъ гарву и зачѣмъ ее не принимаютъ на терскомъ берегу, — чѣмъ она тамъ не удобна? Сказывай-знай: чего жалко? Экіе секреты! Оказалось, однако, что безъ разрѣшенія Савина сельская власть на полное исполненіе моихъ просьбъ была не властна. Богачъ, за расколъ, не будучи ни старшиной, ни головой, оказался настоящимъ начальникомъ. На подножномъ корму, выращенномъ и приготовленномъ бѣдняками, а въ томъ числѣ и этимъ, избраннымъ въ начальство за безсилье, онъ отпаивалъ, откармливалъ и опускалъ до колѣнъ свое чужеядное пузо. На этомъ самомъ корельскомъ берегу, бывало, то

и дѣло лѣзутъ поморы съ жалобами на притѣсненія: «большой начальникъ ѣздитъ». Поморы вообще не прочь попечалиться на горькую долю, но жалобы строятъ на общихъ невзгодахъ, зависящихъ отъ мѣстныхъ причинъ: отъ агличана, приходившаго разорять берега во время крымской войны, отъ суроваго предательскаго климата, отъ порвеговъ, безъ спросу вылавливающихъ на нашихъ берегахъ треску, и т. п. За то поморы корельскаго берега вдвое, вчетверо докучливѣе жалобами противъ прочихъ сосѣдей и такъ, что самыя просьбы ихъ перестали уже давать мнѣ темы для разспросовъ и служить путеводною нитью при изслѣдованіяхъ быта и нравовъ; просьбы и жалобы были слишкомъ личными, въ тѣсныхъ рамкахъ единичнаго интереса. Просто-таки жмутъ ихъ и надавливаютъ богатые монополисты, каждаго по-своему и всѣхъ за одно. Брошенное письмо валялось въ коробѣ съ древними рукописями, принесенными на-показъ; пожелавъ познакомиться съ письменнымъ стилемъ поморовъ, я развернулъ письмо и прочиталъ: «М. г. Иванъ Анреевичъ! Желаю вамъ здраствовать! Съ наступающимъ лѣтомъ поздравляемъ. Симъ васъ прошу покорно сходить къ Ивану Сущихину и получить по моему регестру денегъ три рубля. Если не отдастъ, то нажми. Скажи ему, что я буду просить становаго, чтобы онъ выслалъ его ко мнѣ, и вы попросите Назара Васильича моимъ словомъ: нельзя ли его выслать ко мнѣ для разсчета? Если вамъ не отдастъ, меня увѣдомь. Проситель А. Тукачевъ. Прошу меня объ обстоятельствахъ увѣдомить. Писать про себя нечего, а пишемъ ради вѣсти, что нагрузились сухой рыбой и идемъ въ Архангельскъ». Въ другомъ мѣстѣ лѣзетъ ко мнѣ проситель съ такою просьбой:

— Міръ на море отпустилъ, а становой доржитъ. И билетъ отъ головы и отъ писаря есть, въ карманѣ лежитъ. Пали слухи, что на Мурманѣ рыбы не выгребешь, а рукъ мало. Повели, какъ мнѣ быть?

Избитыя пѣсни, надоскучившія и измучившія своимъ рѣжущимъ уши и надрывающимъ сердце тономъ, непрошенными снова пришли на память, когда я шелъ знакомиться съ княземъ. Кого въ немъ встрѣчу?

Вотъ и самъ печорскій князь налицо, когда я въ безпорядочно раскиданномъ, но очень большомъ селѣ Усть-Цыльмѣ, на площадкѣ противъ церкви, нашелъ двухъэтажный домъ, одинъ изъ

лучшихъ и выдѣляющихся въ слободѣ. Домъ этотъ казенный, предназначенный для квартиры лѣсничаго, въ должности котораго и состоялъ въ то время этотъ, столь всѣмъ извѣстный, любимый и расхваленный человѣкъ. Въ г. Пинегѣ, на Никольской ярмаркѣ, отъ всякаго печорца въ числѣ первыхъ опросовъ требовался отвѣтъ: «все ли по здорову князь поживаетъ?» Всякій хорошо зналъ, что ни одинъ ижемецъ не проѣзжалъ мимо безъ того, чтобы не повидаться съ княземъ, не поклониться ему, лишь бы только лежалъ этимъ людямъ путь черезъ Усть-Цыльму.

Передо мной стоялъ небольшаго роста, живой и подвижный старичокъ (ему было лѣтъ подъ 60) въ бѣличьемъ архалучкѣ,— бабій любимецъ и кумиръ. Онъ привѣтливо, очень мягко и ласково улыбается мнѣ черными глазами. Надъ густыми щетинистыми усами ярко выдѣлялся круглый восточный носъ грузинскаго типа. Это и былъ тотъ самый князь Евсевій Осиповичъ Палавандовъ, къ которому обращаются теперь мои запоздалыя воспоминанія.

Онъ сейчасъ же и обогрѣлъ меня теплымъ привѣтомъ. Сказалъ, что поджидалъ со дня на день и кое-что успѣлъ уже приготовить изъ того матеріала, который можетъ пригодиться для знакомства съ краемъ: пѣсельницу хорошую разыскалъ, знаетъ такую женщину, которая свадебные порядки умѣетъ вести, и уже подговорилъ ее разсказывать, когда я пріѣду. Теперь ждетъ лишь указаній, что еще надобно для моего дѣла.

Едва мы успѣли обговориться и поосмотрѣться, какъ Евсевій Осиповичъ поспѣшилъ сообщить мнѣ то, что по званію моему, прописанному въ подорожной, казалось для меня близкимъ и интереснымъ и что въ томъ или въ другомъ видѣ сохранилось въ запасахъ его памяти. Живя въ Тифлисѣ, онъ слыхалъ про Марлинскаго, зналъ Грибоѣдова, лично видалъ А. С. Пушкина. Самъ былъ онъ тогда очень молодымъ юношей, съ ограниченнымъ, какъ грузинъ и тифлисскій житель, наблюдательнымъ кругозоромъ. Послѣдующая судьба и суровая жизнь могли лишь разсѣять и малые запасы свѣдѣній, изношенныхъ въ теченіе тѣхъ трехъ десятковъ лѣтъ, которые протекли со времени любопытныхъ тифлисскихъ встрѣчъ. Конечно, онъ могъ сообщить уже не многое, лишь кое-что болѣе рѣзко запечатлѣнное. Отдавшись благодарнымъ воспоминаніямъ о добромъ князѣ, я не могу замолчать его разсказы, какъ своеобразные, какъ разсказы очевидца. Я занесъ ихъ въ дневникъ, такъ сказать, по горячимъ

слѣдамъ. Записалъ я тотчасъ же, какъ представилась свободная минута по выѣздѣ изъ Усть-Цыльмы на сѣверъ Печоры въ Пустозерскъ и далѣе, на печорскомъ Мыцкомъ островѣ, въ деревушкѣ Харвинской, представляющей собою недавній выселокъ изъ слободы. Это былъ одинъ изъ тѣхъ, на которые охотливые устьцылемы, населявшіе малыми починками, превратившимися потомъ въ небольшія деревеньки, всѣ болѣе или менѣе значительные и подходящіе притоки Печоры. Въ Харвинской всего два дома, да два такихъ же остались назади въ нѣкоторомъ разстояніи. Въ выселкахъ Усть-Цыльмы засѣваютъ жита (ячменя) пудовъ по десяти на душу, да по пуду ржи, но держатся на своихъ мѣстахъ больше промысломъ,—давятъ петлями рябчиковъ, ловятъ рыбу: «Живемъ все больше рыбкой; не сами себя кормимъ, Богъ насъ кормитъ. Когда у насъ пола мокра, такъ и брюхо сыто». Иные въ щельяхъ (каменныя кручи, отсѣчины на рѣчныхъ берегахъ, отъ которыхъ и большая часть названій тамошнихъ селеній) ломаютъ брусяной камень и эти точильные брусья продаютъ чердынцамъ по 15—20 коп. за пудъ. Бруса въ щельѣ много, лишь бы покупали.

О Марлинскомъ (А. А. Бестужевѣ) князь Палавандовъ передавалъ мнѣ извѣстную легенду, сложившуюся на Кавказѣ и облетѣвшую всю Россію, когда имя романиста повсюду гремѣло и онъ былъ любимцемъ всей читающей публики.

— Живя въ Тифлисѣ, числился Марлинскій рядовымъ, но не служилъ. Всѣ его любили. Постоянно ходилъ онъ въ венгеркѣ; жилъ вмѣстѣ съ сумасшедшимъ братомъ. Ему разрѣшено было писать и печатать, но не иначе, какъ подъ псевдонимомъ Марлинскаго. По настоянію какого-то негодяя-полковника, Паскевичъ вскорѣ услалъ его на Кавказъ въ горы, въ дѣйствующія войска. По самымъ вѣрнымъ слухамъ, тамъ полюбили его мирные черкесы, и трое изъ нихъ дали ему возможность собраться и проводили въ горы. Что тамъ съ нимъ сталось, въ Тифлисѣ не было извѣстно.

Всѣхъ яснѣе напечатлѣлся въ памяти Евг. Осип., конечно, образъ нашего великаго поэта.

— Наша грузинская аристократія любила блескъ и пышность. Ради удовольствій готова была разориться (что и случалось при князѣ Воронцовѣ). Роскошничала сломя голову, невоздержно, съ увлеченіемъ. При этомъ не только не лишена была чванства, но считала за честь кичиться княжескими титулами. Вѣдь,

и въ самомъ дѣлѣ многіе роды вели свое происхожденіе прямотаки отъ царей Вахтанга V и Георгія. Внуковъ послѣдняго, отдавшагося Россіи со всею страной въ 1800 г., особенно ласкали и баловали. Попасть въ княжескіе дома не легко было, развѣ ужь тотъ человѣкъ былъ близокъ по родству или другимъ связямъ съ главнокомандующимъ. Можете вообразить себѣ, какой роскошной пиръ приготовили въ Тифлисѣ въ честь новаго намѣстника, графа Паскевича! За почетнымъ обѣдомъ, между прочимъ, для парада прислуживали сыновья самыхъ родовитыхъ фамилій въ качествѣ пажей. Такъ какъ и я числился въ такихъ же, то также присутствовалъ тутъ. Я былъ пораженъ и не могу забыть испытаннаго мною изумленія: рѣзко бросилось мнѣ въ глаза на этомъ обѣдѣ лицо одного молодаго человѣка,—я его какъ сейчасъ вижу передъ собою въ подробностяхъ. Онъ показался мнѣ съ растрепанною головой, непричиснаннымъ, долгоносымъ. Онъ былъ во фракѣ и бѣломъ жилетѣ. Послѣдній былъ испачканъ такъ, что мнѣ показалось, что онъ нюхалъ табакъ (князь Палавандовъ особенно настаивалъ на этомъ предположеніи). Онъ за столъ не садился, закусывалъ на ходу. То подойдетъ къ графу, то обратится къ графинѣ, скажетъ имъ что-нибудь на ухо,—тѣ засмѣются, а графиня просто прыскала со смѣха. Эти штуки составляли потомъ предметъ толковъ и разговоровъ во всѣхъ аристократическихъ кружкахъ: откуда взялся онъ, въ какомъ званіи состоитъ и кто онъ такой, смѣлый, веселый, безбоязненный? Все это казалось тѣмъ болѣе поразительнымъ и загадочнымъ, что даже генералъ-адъютанты, состоявшіе при кавказской арміи, выбирали время и добрый часъ, чтобы ходить къ главнокомандующему съ докладами, и опрашивали адъютантовъ о томъ, въ какомъ духѣ на этотъ разъ находится Паскевичъ. А тутъ,—помилуйте!—какой-то господинъ безнаказанно заигрываетъ съ этимъ звѣремъ и даже смѣшитъ его. Когда узнали, что онъ русскій поэтъ, начали смотрѣть на него, по нашему обычаю, съ бо̀льшею снисходительностью. Готовы были отдать ему должное почтеніе какъ отмѣченному Божьимъ перстомъ, если бы только могли примириться съ тѣми странностями и шалостями, какія ежедневно производилъ онъ, ни на кого и ни на что не обращая вниманія. Всего больше любилъ онъ армянскій базаръ—торговую улицу, узенькую, грязную и шумную. Узка она до того, что то и дѣло скрипучія арбы сцѣпляются съ вьюками на верблюдахъ. Изъ одного дома въ проти-

вуположный, стоящій по другую стороны улицы, протянуты веревки и на нихъ просушивается бѣлье. Улица реветъ въ открытую: лавки и мастерскія всѣ настежь: чуть не на самомъ тротуарѣ жарятъ шашлыки, готовятъ кебабы; на глазахъ всѣхъ проходящихъ открыто брѣютъ татарамъ головы; чинятъ штаны, вышиваютъ шелками по сукну. Отсюда шли о Пушкинѣ самыя поражающія вѣсти: тамъ видѣли его, какъ онъ шелъ, обнявшись, съ татариномъ, въ другомъ мѣстѣ онъ переносилъ открыто цѣлую стопку чуреховъ. На Эриванскую площадь выходилъ въ шинели, накинутой прямо на ночное бѣлье, покупалъ груши и тутъ же, въ открытую и не стѣсняясь никѣмъ, поѣдалъ ихъ. Изъ Тифлиса ѣзжалъ онъ и подолгу гащивалъ въ полковой квартирѣ Раевскаго, откуда привозили подобныя же вѣсти: генералъ принимаетъ подчиненныхъ въ мундирахъ, вытянутыми въ струнку, а изъ сосѣдней комнаты въ ночномъ бѣльѣ пробирается этотъ странный человѣкъ, котораго по всѣмъ правамъ обязаны почитать. А онъ вотъ этого-то самаго отъ нашихъ грузинъ и не хочетъ, несмотря на то, что всѣ хорошо знали, что онъ народный поэтъ. Не вяжется представленіе: не къ такимъ видамъ привыкло. Наши поэты степеннѣе и важнѣе самыхъ ученыхъ. Поэтъ долженъ сидѣть больше дома и, придя въ гости, молчать: онъ обязанъ цѣнить каждое свое слово на вѣсъ золота и на площади и на вѣтеръ его не выпускать. Каждое его изреченіе непремѣнно должно выражать собою практическое правило, и чѣмъ лучше и красивѣе та форма, въ которую оно облекается, тѣмъ поэтъ почетнѣе и уваженіе къ нему больше. Надо это видѣть у мусульманъ, напримѣръ, у персовъ, особенно по большимъ праздникамъ, когда, цѣлою компаніей, являются къ почетнымъ людямъ съ обязательнымъ поздравленіемъ всѣ эти улемы и муллы. Съ непривычки подумаешь, что это разсажены статуи или языческіе боги съ поджатыми ногами,—до того они степенны и неподвижны. Кажется, не волнуютъ ихъ подставленные подъ носъ подарки, не смущаютъ сладкія и лакомыя угощенія. Новый гость войдетъ въ это время, они, повидимому, и на него не обращаютъ никакого вниманія. Ни одинъ не измѣнитъ себѣ предательскою чертой на лицѣ въ сосредоточенности помысловъ даже и тогда, когда понесетъ подъ мышками и въ рукахъ предложенные ему подарки. А тутъ—помилуйте!—совсѣмъ наоборотъ: перебѣгаетъ съ мѣста на мѣсто, минуты не посидитъ на одномъ, смѣшитъ и смѣется, якшается на базарахъ съ грязнымъ рабо-

чимъ муштандомъ и только что не прыгаетъ въ чехарду съ уличными мальчишками. Пушкинъ въ то время пробылъ въ Тифлисѣ, въ общей сложности дней, всего лишь одну недѣлю, а заставилъ говорить о себѣ и покачивать многодумно головами не одинъ годъ потомъ. Это я очень хорошо помню. Кстати князь вспомнилъ также и эпиграмму на капитана Борозду и, полагая ее неизвѣстной, повторилъ съ комментаріями, рисующими личность, съ той поры всѣмъ извѣстную.

Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвелъ тезка Пушкина, А. С. Грибоѣдовъ, бывшій въ Тифлисѣ гораздо больше, но раньше его.

Я,—говорилъ князь,—какъ теперь вижу его большіе выкатившіеся глаза и умныя бесѣды, которыми онъ очень очаровывалъ, будучи радушно принятъ во всѣхъ лучшихъ домахъ. Онъ—секретарь персидской миссіи; онъ недавно исполнилъ порученіе—переселялъ армянъ въ Россію; онъ—чиновникъ по дипломатической части при великомъ Ермоловѣ,—что еще больше? Когда арестовали Рылѣева, въ его бумагахъ нашли письма Грибоѣдова. Ночью тайно схватили его и увезли въ Петербургъ. Онъ успѣлъ оправдаться и вернулся назадъ съ разсказами. Шепотомъ толковали о томъ, что въ Петропавловской крѣпости сидѣлъ онъ, отдѣленный дощатою перегородкой, рядомъ съ тѣмъ жидомъ, который держалъ по подряду почту для сношеній южнаго общества соединенныхъ славянъ съ сѣвернымъ петербургскимъ тайнымъ обществомъ. Жидъ до того явно трусилъ, что неистовые порывы его оробѣлаго духа не только были слышны, но и надоѣли сосѣду. Онъ сталъ высказывать всѣмъ свое твердое намѣреніе написать комедію *Жидъ въ тюрьмѣ*. Исполнилъ ли? Передъ близкими людьми Грибоѣдовъ шутливо оправдалъ свою невинность и непричастность къ заговору тѣмъ, что написалъ *Горе отъ ума* съ прозрачными намеками, которые не умѣли-де понять, а въ Чацкомъ могли бы заподозрить любаго либерала изъ вернувшихся изъ-за границы молодыхъ гвардейцевъ того времени. Весьма скоро выучившись по-персидски, Аббасъ-Мирза (ум. 1833 г.), знаменитый тѣмъ, что оставилъ по себѣ 26 дочерей и 24 сына, также и тѣмъ, что безплодно и безнадежно старался водворить въ Персіи европейское образованіе, получилъ за послѣднее стремленіе отъ Грибоѣдова похвальные стихи, написанные на чистомъ фарсицкомъ нарѣчіи, и наградилъ его орденомъ Льва и Солнца *).

*) Здѣсь въ сообщеніи князя неточность: Грибоѣдовъ былъ награжденъ этимъ орденомъ 2 степени за переселеніе армянъ изъ Персіи въ Россію.

По возвращеніи въ Тифлисъ, Алекс. Серг. выпросилъ у Паскевича позволеніе жениться. Ему, на счастье, досталась красавица Чавчавадзе, за которую раньше сватался племянникъ Ермолова, но суровый и строгій генералъ не любилъ, чтобы въ боевой арміи его находились женатые офицеры, а потому не позволилъ и разстроилъ бракъ. Вотъ почему и уцѣлѣла для Грибоѣдова эта красавица, Нина Александровна, которую онъ и увезъ съ собою въ Тегеранъ, отправившись туда посланникомъ и на смерть. Сестра его желала имѣть землю съ могилы брата, и я ее въ мешечкѣ вручилъ ей въ Москвѣ, черезъ которую провожали меня въ ссылку, въ финляндскіе батальоны.

Евс. Ос. Палавандовъ дѣйствительно былъ въ опалѣ и ссылкѣ, обвиненный за участіе въ заговорѣ, о которомъ собственно весьма мало извѣстно, но организація котораго не лишена интереса. Самъ участникъ не любилъ объ этомъ разсказывать (о чемъ меня раньше предупреждали всѣ). Не вспоминалъ онъ и не сѣтовалъ даже на то суровое время, которое привелось ему провести въ исправительныхъ финляндскихъ батальонахъ, отличавшихся не только строгостью, но и жестокостью въ обращеніи съ жертвами дисциплинарныхъ взысканій. Мнѣ еще въ Архангельскѣ объясняли:

— Незлобивый, добрѣйшій человѣкъ вычеркнулъ изъ своей ссыльной жизни эти годы и постарался забыть о нихъ, такъ что если когда неосторожно доводилось коснуться этого вопроса, онъ вздрогнетъ, вскочитъ съ мѣста, начнетъ ходить изъ угла въ уголъ и впадетъ въ такую меланхолію, что его уже и не расшевелишь цѣлый день. Ни слова противъ, ни обличительнаго звука, какъ будто ничего этого не бывало и никакой Финляндіи не существуетъ, а есть вотъ прямо передъ глазами облюбленная имъ Печора и застилающаяся въ памяти милая, родная, роскошная и цвѣтущая Грузія.

— Мнѣ доводилось, — разсказывалъ мнѣ самъ Евс. Ос.,— во время прогулокъ по полямъ прилечь отъ усталости на травѣ, гдѣ посуше. Я всматривался пристально въ цвѣтки и находилъ даже мелкія розы, едва поднявшіяся отъ земли, но распустившіяся. Видѣлъ и другіе цвѣтки, которые напомнили мнѣ родину. Здѣсь они не поднимаютъ головокъ надъ травой и, скрываясь въ ней, ни для кого не видны, а потому и считаются несуществующими или несоотвѣтствующими климату и почвѣ. На другой день я приходилъ на тѣ же мѣста, ложился, искалъ тѣ

цвѣты, и уже не находилъ ихъ: они цвѣли не вчерашнія лишь сутки, а, можетъ быть, всего-то нѣсколько часовъ. Я былъ счастливъ, что уловилъ эти мгновенія. И на Печорѣ свѣтитъ то же солнце, что и надъ Грузіей... Напрасно здѣшнюю природу зовутъ мачихой, несправедливо весь край считаютъ забытымъ и обиженнымъ Богомъ!—толковалъ князь съ убѣждающею настойчивостью.

Онъ убѣждалъ, конечно, не безъ увлеченія теперь, на старости, и въ этой бѣдной и далекой странѣ, куда привели его другія увлеченія,—увлеченія давно мелькнувшей молодости, которою ему такъ и не довелось вполнѣ насладиться.

---

12 сентября 1801 года манифестъ объявлялъ всенародно:

«Не для приращенія силъ, не для корысти, не для расширенія предѣловъ и такъ уже обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіи пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго; единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое бы могло утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона».

Таковъ былъ отвѣтъ Императора Александра I, вызванный посольствомъ больнаго и безсильнаго послѣдняго грузинскаго царя Георгія (въ числѣ членовъ посольства былъ и дядя Евсевія Осиповича, князь Елеазаръ Палавандовъ). Не было никакой мысли овладѣть Грузіей,—предполагалась одна лишь поддержка страны, въ которой всѣ матеріальныя и внутреннія производительныя силы были подточены внутреннею анархіей и расшатаны безпрерывными нападеніями внѣшнихъ враговъ. Казалось, безпримѣрная по странностямъ, неожиданностямъ и запутанности исторія Грузіи должна была измѣнить свое теченіе въ благопріятную сторону въ мирномъ и осмысленномъ направленіи. Простой народъ единодушно выражалъ желаніе вступить въ русское подданство и избавиться навсегда отъ гнета корыстолюбивыхъ царевичей и расточительныхъ царицъ, доказывая то очевидными знаками довѣрія и расположенія къ новымъ правителямъ. Случилось не то, на что имѣли полное основаніе разсчитывать.

Царевичъ Александръ убѣжалъ въ Персію искать тамъ помощи: ему хотѣлось сдѣлаться царемъ и, въ то же время, онъ не желалъ ссориться съ русскими. Прочіе царевичи, привыкшіе

соблюдать болѣе свою, чѣмъ государственную пользу, двуличили не только передъ русскими правителями, но и передъ своими клевретами. Къ 1800 году всѣхъ царевичей, царицъ, царевенъ и ихъ дѣтей насчитывалось 73 человѣка. Царицы (Дарья и Марія), представлявшія крунныя силы, руководили всѣми смутами и интригами и одна изъ нихъ дошла даже до коварнаго убійства русскаго генерала Лазарева. Прирожденные многочисленные князья раздѣлились на двѣ партіи: одни, жившіе безграничнымъ насиліемъ и грабительствами, какъ манавскіе, ѣздили на гору каждый день, поджидая и высматривая царевича Александра съ многочисленнымъ войскомъ, злонамѣренно подговаривали лезгинъ къ нападеніямъ, чтобы показать народу безсиліе русской защиты, и возмущали Кахетію. Другіе князья, владѣвшіе деревнями и имѣвшіе свои доходы, были довольны и жили смирно.

На бѣду, русскіе правители оказались не на высотѣ своего достоинства. Князь Циціановъ въ 1803 году засталъ уже весьма печальные слѣды управленія, игравшаго прямо въ руку недовольнымъ князьямъ и къ возбужденію всѣми средствами враждебныхъ чувствъ къ Россіи и русскому владычеству. Коваленскій съ компаніей воспользовался даннымъ уполномочіемъ и предоставленною ему властью лишь для того, чтобъ обогатить себя и солидно обезпечить клевретовъ и родственниковъ. Онъ захватывалъ безъ разбора: и земельныя грузинскія имущества, и казенныя деньги. Онъ обиралъ и побѣдоносныя войска, и мятежныхъ князей. Замѣчательно, что и съ удаленіемъ его отъ власти онъ оставался дѣйствующимъ лицомъ по части злоупотребленій, и кн. Циціановъ не могъ помѣшать ему. Милости, обѣщанныя манифестомъ, не были выполнены. Князья, участвовавшіе въ присоединеніи Грузіи и, въ случаѣ неудачи, обязанные нести свои головы на плаху, остались не только не награжденными, но даже лишились тѣхъ отличій и доходовъ, которыми до тѣхъ поръ пользовались. Многіе же изъ явныхъ враговъ Россіи были награждены или отличіями, или большимъ жалованьемъ. Въ числѣ обиженныхъ и недовольныхъ очутился и родъ князей Палавандовыхъ, игравшихъ значительную роль въ исторіи присоединенія Грузіи и, въ большинствѣ членовъ, преданныхъ Россіи. Въ ихъ средѣ, недовольной и, въ самомъ дѣлѣ, обойденной и обиженной, выросталъ и воспитывался нашъ Евсевій Осиповичъ. Онъ видѣлъ, что, вмѣсто обѣщанной манифестомъ прибавки князьямъ чести, ихъ лишили даже пропитанія, сообразнаго титуламъ и ус-

лугамъ. Онъ слышалъ, что велѣно возвысить честь церквей и епископовъ на его родинѣ, донынѣ отличающейся усердіемъ къ храмамъ и богомоленіямъ, а, вмѣсто того, у духовенства отобраны всѣ вотчины и крестьяне. Обѣщали не требовать съ крестьянъ податей въ теченіе 12 лѣтъ, но и это не сбылось. Разсказывалось про необычайныя выходки, злобныя глумленія, смѣшанныя съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ человѣческому достоинству, со стороны наѣздныхъ и навозныхъ людей. Злоупотребленія корыстныхъ чиновниковъ послужили главною причиной тому, что недоброжелательство къ русскому правительству изъ высшихъ слоевъ населенія начало переходить въ низшія сословія, въ среду самаго тихаго и спокойнаго народа, каковымъ, по справедливости, считаются до сихъ поръ обитатели счастливой Грузіи.

Пока молодой князь Е. О. Палавандовъ получалъ обычное высшее воспитаніе — ловко сидѣть на конѣ, стрѣлять въ цѣль на всемъ скаку, владѣть саблей, успѣлъ даже нѣсколько лѣтъ прожить въ Константинополѣ (для изученія арабскаго языка),— въ судьбахъ его родины не произошло перемѣнъ къ лучшему.

Къ концу 20-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія царевичи и все грузинское царское семейство были перевезены въ Россію, гдѣ предоставлены были имъ возможныя почести и вознагражденія. Но многіе, «вмѣсто должной признательности за благодѣтельное спасеніе ихъ самихъ и отечества ихъ отъ явной гибели, питали скрытную злобу или мечтательныя надежды, породившія, наконецъ, поводъ и къ видамъ преступнымъ». Такъ было сказано въ судебномъ актѣ о событіяхъ 1831 г. Изъ него, между прочимъ, видно, что молодые грузины, цвѣтъ юношества края, получавшіе образованіе въ Петербургѣ, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ ходили къ князю Дмитрію и другимъ царевичамъ «отдавать имъ почесть», навѣщали ихъ. У Дмитрія явилась мысль къ возстановленію самобытности отечества. Съ другой стороны, князь Окропиръ (изъ царевичей же), жившій въ Москвѣ, задумалъ (по свидѣтельству этого же акта) то же самое безъ всякаго, однако, соотношенія къ замыслу Дмитрія.

До 1829 года не было видно никакихъ дѣйствій. Въ этомъ году Окропиръ, воспользовавшись разрѣшеніемъ, полученнымъ въ Москвѣ, отправился къ кавказскимъ водамъ и, по окончаніи курса леченія, неожиданно отправился въ Грузію. Здѣсь онъ сблизился, главнымъ образомъ, съ Орбеліани, сыномъ царевны Феклы (дочери царя Ираклія), съ артиллерійскимъ офицеромъ

Элизбаромъ Эристовымъ и учителемъ Додаевымъ. Они составили правила «тайнаго дружества», цѣль котораго состояла въ томъ, чтобы внушать молодымъ грузинамъ любовь къ отечеству и Багратіонамъ (о возвращеніи ихъ рода на грузинскій престолъ), просить священниковъ молиться о послѣднихъ, напоминать грузинамъ ихъ прежнее бытье, вольный доступъ къ царямъ и скорую каждому расправу, не измѣнять народнымъ нравамъ и обычаямъ, не говорить о намѣреніяхъ своихъ никогда втроемъ, даже при родныхъ братьяхъ и проч. Для возстановленія грузинскаго царства (по даннымъ того же акта) предполагалось произвести народное возмущеніе, овладѣть въ Тифлисѣ главными мѣстами, заградить путь черезъ Дарьяльское ущелье, образовать регулярное народное войско, подчиненное избраннымъ начальникамъ, и продолжать дѣйствія противъ русскихъ не массами, но шайкою. Разсчетъ на успѣхъ основывался на вспыхнувшемъ въ то время польскомъ возстаніи и, вслѣдствіе того, на разъединеніи русскихъ военныхъ силъ. Какъ только пришло объ этомъ извѣстіе, заговорщики перезнакомились между собою и соединились въ общество въ началѣ іюня 1830 года. Кн. Эристовъ, болѣе другихъ пылкій и настроенный и дѣйствовавшій энергично съ кн. Орбеліани, соединился съ учителемъ Додаевымъ и іеромонахомъ Филадельфомъ. Орбеліани открылъ свой замыселъ Евсѣю Ос. Палавандову, «дѣятельно, однако, не участвовавшему».

Додаевъ для успѣха дѣла началъ было издавать газету, но выпустилъ лишь 5 листовъ въ 1831 году; остальные заговорщики вошли въ сношеніе съ бѣглымъ царевичемъ Александромъ, которому Орбеліани приводился роднымъ племянникомъ. Царевича звали прибыть въ Кахетію для начальствованія войскомъ въ видахъ изгнанія русскихъ изъ Грузіи. Царевичъ, за старостью лѣтъ, отказался. Племянница его, дочь брата Юлона, красавица Тамара Юлоновна, старшая сестра Дмитрія, замѣстивъ его въ Тифлисѣ, сдѣлалась центромъ заговора. Молодежь увлеклась ею до самозабвенія. При совѣщаніяхъ съ нею положили подговорить къ соучастію офицеровъ сборнаго учебнаго батальона. При слухахъ о непріязненныхъ намѣреніяхъ персіянъ вторгнуться въ Грузію и о продолжительности польскаго возстанія произошло нѣкоторое волненіе въ умахъ и безпокойства въ Тифлисѣ. Когда Варшава пала и извѣстіе о томъ дошло до Тифлиса, заговоръ «если не прекратился, то ослабъ; общество приняло нѣкоторый видъ литературнаго». По прибытіи нѣкоторыхъ сообщниковъ изъ Пе-

тербурга заговоръ снова устроился, чему благопріятствовала отправка кавказскихъ военныхъ силъ въ Дагестанъ противъ Казымуллы. Заговорщики начали распространять неблагопріятные слухи и почасту сходиться у Орбеліани и у Палавандова, жившаго въ квартирѣ брата (Николая Осип.), гражданскаго губернатора, во время отсутствія послѣдняго для ревизіи губерніи. Разсчитывали сдѣлать нападеніе на казну, арсеналъ и магазины, подговорить ссыльныхъ поляковъ (которыхъ было до 3 тыс.) и разжалованныхъ нижнихъ чиновъ (каковыхъ числилось въ то время будто бы 8 тыс.). Княжна Тамара сначала было струсила, но потомъ согласилась на бунтъ и даже на личное въ немъ участіе. Ждали съѣзда дворянъ на выборы, и въ особенности ген.-майора кн. Чавчавадзе, который тотчасъ по пріѣздѣ въ Тифлисъ и поспѣшилъ отклонить намѣренія молодежи и убѣдилъ оставить пустые замыслы.

Произведены были аресты и баронъ Розенъ назначилъ военный судъ. Императоръ Николай I, видя безплодность и полную несостоятельность заговора, до нѣкоторой степени раздутаго слѣдователями, милостиво смягчилъ приговоръ суда и мѣру взысканій, проектированныхъ самимъ бар. Розеномъ. Южную кровь болѣе порывистыхъ и пылкихъ надѣялись охладить сѣвернымъ климатомъ. Такъ Элизбара Эристова увезли въ одинъ изъ архангельскихъ горнизонныхъ батальоновъ, учителя Додаева опредѣлили въ службу нижнимъ канцелярскимъ служителемъ въ одной изъ сѣверныхъ губерній до отличія выслугою, не прежде, однакожь, десяти лѣтъ. Иныхъ отправили въ Пермь, другихъ въ Вятку.

Изъ всѣхъ подсудимыхъ 59 получили наказанія, ограниченныя ссылками на житье подъ присмотромъ въ дальніе русскіе гарнизоны, города и крѣпости. Между прочими, царевичей Окропира и Дмитрія приказано выслать: перваго—въ Кострому, втораго—въ Смоленскъ; княжну Тамару Юлоновну—въ Симбирскъ, Феклу Иракліевну—въ Калугу, а отставленнаго отъ службы колл. регистр. князя Евсѣя Палавандова, не подвергая суду и не лишая дворянства, повелѣно опредѣлить унтеръ-офицеромъ въ одинъ изъ полковъ, расположенныхъ въ Финляндіи. Всѣмъ воспрещенъ въѣздъ въ Грузію на всю жизнь. Остальные изъ прикосновенныхъ къ дѣлу, въ количествѣ 78 человѣкъ, освобождены были отъ всякаго взысканія.

Кн. Палавандовъ въ 1834 году предсталъ предъ новыми начальствами съ аттестаціею барона Розена такого рода: «преж-

нее поведеніе его весьма предосудительное, ибо два раза онъ бѣжалъ въ Турцію и горы; нравственность его очень неблагонадежная. Вообще по своему уму, хитрости, пронырству и безнравію онъ человѣкъ для здѣшнаго края рѣшительно вредный и опасный».

Ссыльный князь оказался полезнымъ для другаго края, гдѣ постарался начисто исправить свою репутацію и загладить свои вины и увлеченія молодости, замѣнивъ мечтательные порывы практическими стремленіями и дѣйствіями.

По освобожденіи отъ солдатской лямки, князь былъ произведенъ въ благородный чинъ прапорщика, не только дозволявшій, по регламенту, жениться и нюхать табакъ не изъ артельной, а изъ собственной табакерки, но и открывающій дороги во всѣ стороны. Для Палавандова, однако, оказалась одна, не ближе Архангельска, а по прибытіи сюда—не дальше Печоры. Не лѣсничій ученый туда понадобился, а открылось просто свободное мѣсто, предназначавшееся въ то время обычно офицерамъ и, вопреки всякимъ ожиданіямъ, очень покойное. Туда Палавандова и направили и старались о немъ забыть, какъ забыли и о самой Печорѣ. Подъ его наблюденіемъ и попеченіемъ очутилось, такимъ образомъ, цѣлое государство европейское по количеству квадратныхъ верстъ, весь Печорскій край, находящійся въ предѣлахъ Архангельской губерніи. На сѣверѣ—моховая пустыня, безъ мѣры въ ширину и безъ конца въ длину, совершенно безлѣсная.

— Не смѣйтесь!—вразумлялъ меня самъ лѣсничій съ обычнымъ ему примирительнымъ взглядомъ на вещи и пристрастіемъ къ странѣ, гостепріимно его пріютившей.— Живетъ и пустыня: кажется, все въ ней мертво, уныло и убійственно - однообразно. Смерть, дескать, повсюдная смерть! Стелется одинъ ерникъ да мохъ, а забываютъ, что ихъ сопровождаетъ вересклъ, кое-какіе злаки, а по болотнымъ мѣстамъ не оберешься морошки. На самомъ сухомъ безплодномъ пескѣ выростаютъ грибы и рядомъ съ ними самое красивѣйшее формами земное растеніе— мохъ и лишаи. Я не прощу за насмѣшку и рѣзкое обвинеше— и укажу прямо на любимицу модныхъ кабинетовъ, многоствольную кустарную корельскую березу. Вѣдь, и лиственица ростетъ... Корява правда, малорослa: не выше $1^1/_2$ сажени, не шире трехъ вершковъ въ отрубѣ, а, вѣдь, это есть то самое благородное дерево, которое идетъ на корабли, которое здѣсь, въ окрестностяхъ

Усть-Цыльмы, доходитъ до 7 саж. и семи-девяти вершковъ въ отрубѣ (до нижнихъ сучьевъ). Мы видимъ это дерево сплошными рощами, чего въ Россіи давно не видать. Этими рощами опушены наши рѣки и рѣчки. О соснѣ и елѣхъ я уже и говорить не стану: добротность и красота ихъ—доказанныя.

Добрѣйшій лѣсничій, въ самомъ дѣлѣ, увлекался. Ивнякъ, покрывающій иловатые берега, вмѣсто того, чтобы предохранять ихъ отъ обнаженій летучаго песка, свойственнаго внутреннимъ мѣстностямъ тундръ, настолько безсиленъ, что вовсе не дѣлаетъ ему предопредѣленнаго: Пустозерскъ засыпанъ пескомъ чуть не по самыя трубы, Усть-Цыльма тоже страдаетъ отъ него и уже успѣла пересѣсть на другое мѣсто. По безплодности и малой глубинѣ почвы, состоящей изъ сухаго бѣлаго и краснаго песка, древесина деревьевъ вообще плохихъ качествъ. Лиственица-дупловата и съ другими внутренними пороками, и по большей части перестойная. Лѣсные участки, имѣющіе мелкую почву, особенно мокроватую, буквально загромождены валежникомъ. Буреломы и вѣтровалы увлекли за собою и здоровыя приспѣвающія деревья и молодякъ. Они не только засорили мѣстность, но и заградили путь вывозки дальнѣйшихъ лѣсовъ, и безъ того уже въ изобиліи заваленныхъ колодами. Тутъ нѣтъ ни въѣзда, ни проѣзда. О возможности надлежащаго надзора и говорить трудно, особенно при той лѣсной стражѣ, которая называлась конными объѣздчиками и больше спала на себя, чѣмъ работала на казну.

Сверхъ того, слѣды лѣсныхъ пожаровъ бросаются въ глаза даже мимоѣзжимъ путникамъ. Въ самыхъ глухихъ чащахъ торчатъ обугленные остатки большемѣрныхъ деревьевъ и только немного мѣстъ, гдѣ, случайно или по сырости грунта, лѣса уцѣлѣли отъ огня. Большая компанія лѣснаго торга (Крузенштерна) бросила здѣсь безнадежно капиталы. Ученый лѣсничій (г. Боровскій) пришелъ въ отчаяніе при видѣ этихъ лѣсовъ, гдѣ сотни самыхъ отборныхъ бревенъ, вырубленныхъ для сплава на выборъ, какъ корабельныя, валяются безъ призора и сгнили до самой сердцевины. По самой Печорѣ эти самыя лиственицы, рѣдко стройныя, а болѣе уродливыя, выросли на песчаныхъ, довольно высокихъ буграхъ. Эти бугры окружаютъ какое-нибудь озерко или глубокую рытвину и издали кажутся укрѣпленіями съ башнями.

Въ такихъ-то лѣсахъ и при подобныхъ условіяхъ привелось

быть блюстителемъ и охранителемъ добрѣйшему и мягкому человѣку Е. О. Палавандову. Что ему тутъ дѣлать и какъ тутъ быть?

Онъ надѣлъ архалучекъ и отдался на волю Божію и людское произволеніе.

Идемъ разъ мы съ нимъ вдвоемъ по улицѣ,—на встрѣчу намъ парень. Выправивши съ груди изъ-подъ малицы руку въ рукавъ, онъ снялъ съ головы пыжицу съ длинными ушами и поклонился. Князь пригрозилъ ему пальцемъ.

— Хорошъ мужикъ—разоритель! Куда мнѣ тебя опредѣлить за твою вину?

Тотъ, остановившись, учащенно кланяется, встряхивая волосами.

— Гулялъ я по лѣсу, вижу: лежитъ дерево лиственицы, великанъ-дерево,—объясняетъ князь, обратившись ко мнѣ.—За такое дерево въ Петербургѣ морское министерство шесть сотъ рублей платитъ, за границей дадутъ далеко больше тысячи. Сталъ доискиваться, допрашиваться, кто рубилъ? Прямо на тебя, другъ, и указали. Разсказывай, какъ было дѣло?

Встрѣчный парень не замедлилъ:

— Поѣхалъ я съ Матюшкой рыбу острогой колоть, изладились пообѣдать и увидали эту самую лѣсину: сколь, молъ, она хороша! А Матюшка-то и говоритъ: А что, паря, матицы для новой избы ладны будутъ? Побѣжали въ лодку за топорами и повалили.

— А не стонало дерево-то, не плакалось, не придавило васъ? Не жаль было? Что же не вывезли, зачѣмъ гнить бросили?

— Силушки нашей нехватило,—тремъ лошадямъ въ упоръ. Перли, перли, всѣ плечи изодрали,—не поддается.

Заговорилъ и князь-лѣсничій:

— Вотъ онъ теперь гнить начнетъ, мохомъ обростетъ, кабы ты объ него запнулся да носъ себѣ въ кровь разбилъ!... Вотъ и толкуйте съ нимъ! Охраняйте лѣса отъ такихъ озорниковъ,—говорилъ онъ мнѣ, а потомъ ему:—Пойдешь къ батюшкѣ, покайся на духу: своровалъ, вѣдь, да еще и такъ, что ни себѣ самому, ни дворовому псу.

«Не изловчишься, не наладишься»,—жаловался онъ мнѣ какъ-то разъ послѣ обѣда, въ которомъ обычно смѣнялись оленьи свѣжіе языки вкусными оленьими губами съ хрѣномъ и самою

вкусною рыбой въ свѣтѣ—пелебью (salmo corregonus), чередовавшеюся съ осетриной изъ Оби, привозимой изъ-за Камня ижемцами, и съ чиромъ (изъ породы лососковъ, salmo nasus) мѣстнаго нароста. Князь любилъ поѣсть вкусно, хотя и умѣренно: ему несли все лучшее и любимое имъ. Никому не продадутъ, если онъ не откажется. Не купитъ князь—«возьми въ подарокъ, сдѣлай милость, Христа ради, изъ почтенія, за великую твою доброту».

— Вотъ какъ трудно исправлять должность,—продолжалъ объяснять добрѣйшій и кротчайшій человѣкъ.—По верховьямъ печорскихъ притоковъ мѣшаются съ елью кедровыя деревья, а по самой Печорѣ ихъ бываетъ еще больше. Въ урожайные годы шишекъ такъ много, что начинаютъ не только всѣ грызть орѣхи, а и на сторону продавать. Сборъ—бабье дѣло; онѣ вотъ этакаго остолопа возьмутъ съ собою, и онъ, чтобъ угодить бабамъ и понравиться, возьметъ, да и срубитъ благородное дерево. Онѣ, мокрохвостыя, сядутъ, да и обираютъ шишки, какъ морошку рвутъ. Соберу ихъ, чтобъ избранить и застращать, а иная востроуха на мои слова и на глазахъ вынетъ изъ кармана и щелкаетъ. Назвать-то плодъ не умѣютъ,—зовутъ гнидами,—а щелкаютъ, какъ настоящія бѣлки, въ глазахъ рябитъ. И здѣсь плюнешь и отойдешь прочь.

— Не баловство это,—объяснялъ отвѣтно князь,—а такой неискоренимый обычай, законъ какой-то повсемѣстный. Никакими наказаніями не наладишь. Надо въ котлахъ новыхъ людей вываривать, а старые и наличные всѣ на одинъ покрой и никуда не годятся. Рыбаку нужно щербу (уху) сварить, охотнику на рябахъ по путикамъ обогрѣться,—разведутъ костеръ и ни одинъ еще изъ нихъ огня не тушилъ. А лѣса горятъ во всѣхъ сторонахъ, и лѣтнимъ временемъ только о пожарахъ и слышишь. Сгораютъ огромныя площади, конечно, безнаказанно, за неимѣніемъ средствъ и рукъ для тушенія. Либо самъ пожаръ перестанетъ отъ какого-либо случая, либо набѣжитъ огонь на рѣку, домчится до озера, заберется въ гнилое и мокрое болото и не совладаетъ съ нимъ,—потухнетъ. Выбралъ я изъ охотниковъ самаго мудраго, степеннаго человѣка. Глубоко я его уважалъ за разсудительность, за солидныя и чистыя дѣла,—толковалъ съ нимъ очень долго. Я ему про то, что эти уголья имъ же на голову,—окъ вникалъ и поддакивалъ. Я ужь и успокоился, что нашелъ разсудительнаго человѣка: сейчасъ мы съ нимъ

правила начнемъ сочинять и писать и пошлемъ ихъ въ палату, а то въ министерство. Стали сводить къ концу, онъ и говоритъ: «Напрасно, князь, пишешь!»—Какъ же, молъ, такъ?—«Да тушить огонь,—говоритъ,—самое пустое дѣло и трудъ не въ прибыль: Печорскій край никогда не можетъ совершенно выгорѣть». Сказалъ онъ это, да еще ногой притопнулъ; значитъ, у нихъ скрѣплено и мірская печать приложена.

Разрѣшивши для себя эту статью такимъ положительнымъ и безапелляціоннымъ способомъ, Евс. Осиповичъ обратилъ свои заботы и вниманіе въ другую сторону. Кстати, отъ него и не требовали особенныхъ должностныхъ услугъ. У него даже вицъ-мундиръ съ зеленымъ воротникомъ залежался. Управляющій палатой, навѣстившій его, почувствовалъ особенную жалость къ тѣмъ очевиднымъ страданіямъ, которыя испытывалъ князь, надѣвши форму и наглухо затянувшись. Постановлено было тогда же совсѣмъ не обращаться къ ней никогда и быть за всякопросто. Князь отбывалъ ссылку—надо сострадать ему и не безпокоить на мѣстѣ, обязавшемъ его совершенно чужимъ дѣломъ. Онъ успѣлъ просіять личными добродѣтелями; онѣ все и прикрыли, сдѣлавъ его личность неприкосновенною, отъ которой нечего требовать, а слѣдуетъ ожидать, на что она, будучи свѣтлою и безупречною, сама соизволитъ. Да и печорцы, кажется, порѣшили такъ: «Лѣса, стало быть, охранять не стоитъ, не уберечь ихъ тебѣ и не оглядѣть всю ихъ цѣлину. А вотъ охрани ты насъ, немощныхъ и беззащитныхъ темныхъ людей, въ забвённой сторонушкѣ. Поучи, дай совѣтъ, какъ жить да избывать всякія бѣды, которыя, какъ крупа съ неба, не переставая, сыплется. Къ кому же прилѣпиться? Кому же повѣдать печали и у кого искать защиты и добраго совѣта?» За то совѣтамъ князя охотно слѣдуютъ самые грубые и несговорчивые люди; рѣшеніемъ его всѣ спорщики всегда остаются довольны.

— Батюшка ты нашъ,—выпѣвала своимъ пѣвучимъ печорскимъ голосомъ молодая бабенка при мнѣ, безъ доклада, прямо ввалившаяся въ горницу.

— И не проси, не пойду,—рѣшительно отвѣчалъ ей князь, знавшій всѣхъ въ слободѣ не только въ лицо, но и съ изнанки.—Слышалъ, что родила, сказывали.

Она ему въ ноги—и поползла по полу. Онъ даже вспыхнулъ.

— Я покрещу, а ты перемажешь да на-ново перекрестишь.

Вотъ тебѣ (и сунулъ что-то, конечно, деньги)—и ступай: кумомъ меня не считай и не зови.

— Церковныхъ всѣхъ перекрестилъ, — объяснялъ мнѣ хозяинъ отводной квартиры.—Родомъ-то онъ дальный (сказывали): изъ какой-то теплой невѣрной страны, а вѣры-то русской съизмальства, — разсказывалъ хозяинъ, твердо увѣренный въ томъ, что и здѣсь надо подразумѣвать привилегію, какъ нѣкое чудо доставшуюся въ особое исключеніе передъ прочими для ихъ излюбленнаго человѣка.—И всякаго парнишку по имени помнитъ,— добавлялъ онъ. — На улицѣ встрѣтитъ — по головѣ гладитъ, дастъ пряникъ, либо калачикъ. По большимъ праздникамъ одѣляетъ деньгами и малыхъ ребятъ, и все кумовство. Какія получаетъ деньги, всѣ изводитъ. У него отказу нѣтъ. Окажешь ему просьбу, онъ такъ и зашевелится. Хочется ему по-твоему сдѣлать, больно хочется: по всему видать. Благодарности не любитъ, не примаетъ,—убѣжитъ отъ тебя, разворчится и не покажется.

Я видѣлъ самоѣда, который на улицѣ, въ глубокомъ снѣгу, повалился благодарить за то, что князь отбилъ отъ обидчика-зырянина добрымъ совѣтомъ двухъ его важенокъ (оленей), которыхъ отобралъ лиходѣй за пастьбу на тундрѣ, никому не принадлежащей и до сихъ поръ неудобной къ межеванію. Олени этого самоѣда просто пристали къ стаду зырянина и молодые охотно и долго держались на одномъ мху, за однимъ пастухомъ, съ третьегоднимъ приплодомъ, и тѣмъ провинились, вмѣстѣ съ хозяиномъ-самоѣдомъ, передъ зыряниномъ.

На благодарный поклонъ князь разсердился и даже ворчалъ, говоря мнѣ внушительнымъ тономъ:

— Глупый-съ; очень-съ глупый народъ, самый несчастный-съ!...

Вѣжливая придаточная частица рѣчи, конечно, не была у него дурною привычкой гостинодворскихъ прикащиковъ галантерейнаго обхожденія. Не чувствовалось въ ней и признаковъ условной, отталкивающей вѣжливости и тѣмъ менѣе она обличала собою насмѣшливость пріема большихъ и вліятельныхъ, желающихъ уязвить, нагнести, наглумиться надъ маленькимъ и подчиненнымъ, чтобы онъ чувствовалъ весь ядъ перемѣны обычнаго тона на поддѣльно-вѣжливый. Подозрѣвалась здѣсь благопріобрѣтенная подъ батальонными пинками и палками простая прикраса обыденной рѣчи ненужнымъ и холоднымъ привѣс-

комъ. Вошла она теперь въ обычай, съ которымъ и нельзя уже ему разстаться.

Словно онъ вымѣщалъ своими искренними чувствами сострадания и участія — спросту, по-христіански—за все то, чѣмъ обижали его и что перенесъ онъ про себя при старой системѣ батальоннаго воспитанія и службы. Во всякомъ случаѣ, онъ совершенно погрузился въ интересы Печорскаго края на всемъ протяженіи его въ предѣлахъ Архангельской губерніи, пользуясь всеобщею любовью. Впрочемъ, болѣе близкіе къ нему и тонкіе наблюдатели замѣчали, что у него лежало сердце больше на сторону устьцылемовъ не по ближному сосѣдству, а вслѣдствіе экономическихъ условій ихъ быта (всѣмъ было извѣстно, что онъ бѣднымъ слобожанамъ всегда помогаетъ въ покупкѣ дорогаго хлѣба). Архангельскую Печору, какъ извѣстно, подѣлили между собою низовики-пустозеры съ верховыми—ижемскими зырянами. Первые—владѣльцы богатыхъ рыбныхъ ловель и оленьихъ пастбищъ; вторые—владѣльцы оленей и богачи отъ замши, мѣховъ и перепродажи соли и хлѣба. Устьцылемы, очутившись между двухъ огней, понесли печальную бытовую участь съ очевидными признаками бездолья и бѣдности. Послѣдняя вынудила ихъ и на выселки по притокамъ Печоры и породила давнюю непримиримую и нескрываемую вражду съ тѣми и другими, особенно съ пустозерами, и указала князю безпокойную роль миротворца, ходатая и хлопотуна.

Выселками устьцылемы не выгадали: попали изъ огня въ полымя. Живущіе на притокахъ находятся въ самомъ жалкомъ положеніи, не многимъ лучшемъ самоѣдовъ, въ концѣ обездоленныхъ ижемскими зырянами. Изъ пятилѣтнихъ урожаевъ даетъ Богъ одинъ подходящій, когда снимутъ дозрѣвшій хлѣбъ самъ 5. Иные изъ-за куля муки бурлачатъ на Печорѣ все лѣто. Между тѣмъ, заступничество князя уважалось и цѣнилось въ Архангельскѣ: оно лечило временныя язвы и починяло случайныя прорѣхи. Самое большое затрудненіе представляла размежовка озеръ чрезвычайно рыбныхъ, изъ которыхъ въ теченіе зимы налавливается не одна тысяча пудовъ. Въ одномъ только случаѣ удалось князю помирить сосѣдей тѣмъ, чтобы они наловленную рыбу: щукъ, чировъ, нельму и сиговъ—сваливали въ одну кучу и потомъ дѣлили по равнымъ частямъ между всѣми участниками. Ловцы послушались и потомъ каждый годъ ходили благодарить князя, что приставилъ голову къ плечамъ. Искрен-

нее участіе его, все-таки, ничего не могло сдѣлать съ вѣковѣчною укоренившеюся враждой устьцылемовъ съ низовиками.

—Ну, вотъ-съ, покажите господину,—онъ свѣжій, онъ лучше насъ можетъ разсудить,—говорилъ князь устьцылемскимъ старикамъ, явившимся съ какою-то книгой.

То была старинная, скрѣпленная дьякомъ выписка изъ писцовой книги, гдѣ въ самомъ дѣлѣ указаны были собственностью устьцылемовъ тѣ острова, шары и виски, которые оттягали у нихъ пустозеры. Оказалось, что князь давно уже возился съ этимъ документомъ болѣе чѣмъ двухсотлѣтней давности, простодушно увѣренный въ его законности и святости. Возбудитъ онъ пререканія, вызоветъ перекоры,—начнетъ мирить и соглашать. Спорщики какъ будто и подадутся, и князь для нихъ становится уздою даже въ щекотливомъ экономическомъ случаѣ поземельнаго владѣнія. Спорщики и въ самомъ дѣлѣ помирятся на словахъ до первой ссоры и драки на межахъ. Опять они идутъ къ князю судиться, а онъ снова не скучаетъ съ ними толковать про бѣлаго бычка. И никакъ не управятся они всѣ вмѣстѣ при добромъ согласіи съ этою писцовою книгой! И мной остались, конечно, они всѣ недовольны. Остался доволенъ лишь я самъ лично тѣмъ, что по этой старинной выпискѣ довелось мнѣ пополнить свой словарекъ мѣстными названіями живыхъ урочищъ. Названія эти изъ XVII вѣка остались нерушимыми до настоящаго времени, но свойственными лишь этому Печорскому краю. Такъ, наприм., виска — это проливъ изъ рѣки въ озеро или между озерами (отсюда и названіе многихъ печорскихъ деревень), а шаръ—проливъ между рѣками и между островами въ морѣ и рукавъ той же рѣки, огибающій островъ, лѣтомъ высыхающій. Курья — заливецъ изъ шара, заходящій кутомъ версты на 2—4 и опять входящій въ шаръ,—это шара шаръ. У острова бываетъ хвостъ и голова. Старуха—не только заветшалая баба, но и покинутое русло, гдѣ, однако, воды столько, что можно плавать, а приставъ—не только тотъ чинъ, который оберегаетъ станъ, — становой приставъ, — но и тотъ колъ, которымъ, съ охранительными же цѣлями, припираютъ дверь отъ блудливой скотины, когда уходятъ на страду. Вотъ и холуй—названіе, сохранившееся за великорусскимъ селомъ, гдѣ пишутъ иконы (во Владимірской губ.), и утратившее тамъ первоначальное значеніе. Здѣсь, на Печорѣ, оно убереглось, оставшись за тѣмъ возвы-

шеннымъ побережнымъ мѣстомъ, куда рѣка теченіемъ своимъ привыкла наносить бугоръ изъ щепы, всякаго хвороста, цѣльныхъ деревовъ и песку. Вотъ и россоха—каждое изъ устій, на какія дѣлятся иныя рѣки при сліяніи,—словомъ, всѣ тѣ урочища, которыя принимались за границы (и, къ сожалѣнію, далеко не всѣ (печорскія) попали въ прекрасный и обстоятельно составленный трудъ г. Подвысоцкаго: *Словарь областнаго архангельскаго нарѣчія*. Спб., 1885 г.).

— Вотъ-съ, разскажите господину, Марья Савельевна, что знаете,—серьезно и допросливо говорилъ князь (этимъ онъ отвѣчалъ на вопросъ мой о результатахъ безвыгоднаго и тяжелаго житья устьцылемовъ, обращаясь къ приглашенной имъ гостьѣ, себѣ на выручку, мнѣ—на помощь).

Чопорная и полагающая себя умною и дѣйствительно знающая обычаи и всякіе обряды своихъ слобожанъ, Марья Савельевна начала разсказывать. Князь уклонился отъ очнаго свидѣтельства по очевидному неумѣнью или нежеланью говорить о людяхъ худо и произносить тѣмъ паче огульныя имъ обвиненія.

— Наши слобожане, — истово выпѣвала разскащица, — не очунь отягощаютъ себя пьянствомъ, однако же, не дадутъ своей части испортиться въ бочкѣ, но и чужое-то не квасятъ.

Князь улыбается и поощрительно настаиваетъ:

— Говорите-съ дальше: хорошо начали.

— Болѣзнь, кромѣ горячки и оспы, бываетъ порча или отрава, которая единственно происходитъ отъ злыхъ людей по ненависти и дотуль доходитъ, что и смерть получаютъ въ скоромъ времени...

— Дальше, государыня моя, дальше! — продолжалъ настаивать князь и даже ногой притопывалъ, словно наслаждался пѣвучестью рѣчи почтенной старушки, и выбивалъ тактъ, когда она, по мѣстной привычкѣ, къ концу фразы возвышала голосъ.

— Училище? Заводилось училище, но по новымъ книгамъ, а потому и не было принято желающими училища по старымъ книгамъ для образованности.

Князь потираетъ руки и улыбается.

Затѣмъ шелъ разсказъ о пищѣ, объ одеждѣ, о жилищахъ. Князь настаивалъ, какъ будто хотѣлъ, чтобы старуха выложила

все разомъ, и снова въ тактъ покачивалъ головой, когда мнѣ приходилось выслушивать и записывать на память.

Старуха, между прочимъ, выпѣвала:

— Но всегда если не на сарафанѣ, то по рубашкѣ надѣтъ поясъ, по старообрядскому повѣрью, и потерять, либо подарить, либо забыть надѣть этотъ поясъ — значитъ накликать на себя несчастіе... Да, вѣдь, про бабьи-то пояса самъ князь лучше меня знаетъ,—круто оборвала свою рѣчь разскащица и подмигнула.

Евсевій Осиповичъ на это замѣчаніе благодушно усмѣхался, расхаживая по комнатѣ и отмахиваясь руками. Весь секретъ этого южнаго человѣка, не замороженнаго сѣверомъ, оказался въ явѣ налицо. Старуха не щадила его, хотя онъ продолжалъ шутливо прицыкивать на нее и поднималъ палецъ молчанія.

— Да, вѣдь, некрасивы, неопрятны, малы ростомъ, говорятъ нехорошо ваши дѣвицы, — замѣтилъ я, чтобы выручить князя.—Рѣдко попадается порядочное лицо и бойкая разговорщица.

— Красавицъ ищутъ тамъ, въ Поморьѣ,—отвѣчала она.— Наши молодыя бабочки, да и незамужныя дѣвочки не крѣпко пояса-то завязываютъ. Надо объ этомъ доподлинно спрашивать у ижемцевъ (живущіе на печорскомъ притокѣ, рѣкѣ Ижмѣ, зыряне у всѣхъ русскихъ носятъ общее названіе «ижемца»). Они нашу сестру очунь испортили,—ну, да и денежки у нихъ водятся,—кому при этомъ удержаться? Вѣра нашимъ не претитъ, а даже одобряетъ.

Слѣдовали подробности съ убѣдительными доказательствами (поясъ оказался межевымъ знакомъ на тѣлѣ), но князь погналъ разсказъ дальше и догналъ его до конца. Старушка допѣвала:

— И все тому подобное, хлѣбопашество, скотоводство, рыбна ловля и звѣрина, и жительство, и языкъ—всѣ русскія и никакихъ нѣтъ особенностей разныхъ. И есть хотя маленькія ошибочки, но выразить невозможно.

— А вырази; ты, вѣдь, умная и ученая,—перебилъ князь, но она уже, видимо, устала и выкладывала послѣдніе остаточки.

— Также и памятниковъ, и болвановъ, и никакихъ почетныхъ боговъ и богинь не водится. Хоша и есть какія-нибудь басни старинныя,—таперича всѣ оставили. А читаютъ какія-ни-

будь изданныя разныя книжки, примѣрно, Аглицкаго Милорда, Францыля Виньцыана, Еруслана, Бубу (Бову?) и другія прочія. А болѣе не взыщите,—сколько знала, столько я вамъ и сказала.

Вотъ и эта патріотка своихъ мѣстъ застилаетъ и заметываетъ, плететъ и нижетъ, а за занавѣску держится и не выпускаетъ ее изъ рукъ. Гдѣ нужно и когда вздумается, возьметъ да и задернетъ, не взирая на то, что тутъ-то и открываются самые любопытные виды. Тѣмъ не менѣе, свадебный обрядъ дозволила она мнѣ записать полнотой. Пѣсенки на голосъ спѣла, избы въ подробности описала и продѣлала все это беззастѣнчиво, самымъ обстоятельнымъ образомъ, — конечно, изъ уваженія и угожденія князю, при явномъ разсчетѣ на его камертонъ и на выборъ сюжетовъ. Разумѣется, кое-гдѣ схитрила, мѣстами умолчала, въ другомъ переврала, затребовала новой повѣрки и справокъ въ исполненіе печорской же пословицы: «чужая сторона, блудясь, спознавать».

На одно особенно не поскупились печорцы,—именно въ жалобахъ на враговъ своихъ, ижемцевъ, не пожалѣли красокъ, чтобъ обрисовать отношенія къ тундрѣ, т.-е. къ самоѣдамъ и къ приращенію того бродячаго капитала, который въ видѣ оленьихъ стадъ бродитъ по этой самой тундрѣ.

Я еще не добрался до слободы Усть-Цыльмы, какъ уже успѣли забѣжать къ князю раньше меня уѣхавшіе съ Печорской ярмарки два ижемскіе богача: Меркулъ Исаковичъ изъ Мохчи и Николай Васильевичъ изъ Сезябы, съ которыми я успѣлъ тамъ раньше познакомиться. Они долго выспрашивали у князя, какъ имъ поступать со мной и какіе держать отвѣты, какъ меня понимать и за что принимать. Пріемъ тамъ сдѣланъ былъ самый радушный, но отличавшійся самою досадною и обидною замкнутостью, дававшею одно лишь подозрѣніе, что ижемскія дѣла въ самомъ дѣлѣ нечисты и «тундра грѣхомъ лежитъ у нихъ на совѣсти».

— Ну, вотъ, и слава Богу: теперь вы все сами лично видѣли!—сердечно привѣтствовалъ меня по возвращеніи князь, не пожелавшій подѣлиться своими наблюденіями надъ этимъ живымъ и самымъ жгучимъ вопросомъ Печорской страны. — Теперь отъ себя прибавлю,— говорилъ князь,— спаиваютъ: всю тундру со всѣми стадами на вино вымѣняли: за чарку—шкурка. Долгами такъ опутали, что водворили полное крѣпостное право. Однако,

не всѣ... Это только худшіе изъ нихъ такъ дѣлаютъ. Прочіе всѣ, какъ люди—хорошіе люди. Сами видѣли—набожные, хлѣбосольные, предпріимчивые, бережливые и—повѣрьте мнѣ!—съ хорошею нравственностью. Все это есть и у пустозеровъ. Нѣтъ только этой скаредности, стремленія къ наживѣ, излишней заботы о своихъ пользахъ. Вмѣсто нихъ, видѣли: любятъ пустозеры жить просторно, полакомиться и другихъ угостить. Бабы щеголяютъ.

Князь пошелъ на откровенность:

— Устьцылемы замкнуты въ себѣ, не гостепріимны, чуждаются людей, да и лѣнивы, а бабы только и умѣютъ вязать чулки да перчатки. За то нѣтъ аккуратнѣе въ разсчетѣ съ долгами. Безъ чердынцевъ они погибли бы...

Свиданіе это было послѣднимъ на тотъ третій разъ, когда снова приходилось проѣзжать мимо Усть-Цыльмы, въ вящее подкрѣпленіе той истины, что мимо князя никакъ не проѣдешь, куда бы въ самомъ дѣлѣ ни сунуться: на югъ или сѣверъ. Попрежнему, я нашелъ здѣсь съ его стороны предупредительную заботливость. Онъ прислалъ ко мнѣ съ моржовыми клыками и посками и мамонтовыми рогами продавца по цѣнамъ, установленнымъ чердынцами: клыки подешевле, рога подороже, поски даромъ, курьеза ради, съ пріобщеніемъ о нихъ архангельскаго анекдота (неудобнаго для печатнаго разсказа). Принесли въ подарокъ курьезныя каменныя ядра съ увѣреніемъ, что они отваливаются отъ какой-то горы въ тундрѣ именно въ этой поразительно - правильной обточенной формѣ шаровъ. Оказалось, что князь заботливо относится ко всевозможнымъ произведеніямъ края, лежащимъ въ неизвѣстности и еще не имѣющимъ сбыта въ значеніи продажнаго товара. Онъ пытливо допытывается у всякаго заѣзжаго о возможности примѣненія извѣстнаго сыраго продукта. Онъ какъ пріѣхалъ сюда, такъ и завелъ огородъ: насажалъ свеклы, рѣдки, моркови, гороху и, между прочимъ, картофеля. Дѣло небывалое и невиданное въ слободѣ: крестьяне посмѣивались; на картофель искоса поглядывали, прослышавши, что та овощь недобрая и въ старыхъ книгахъ проклятая. Князь высѣялъ картофель въ полѣ,—осѣнила его благодать,—уродился порядочнымъ. Сѣятель и насадитель переупрямилъ: теперь картофель и овощи стали выручать голодную страну, огородничество оказалось важнѣе хлѣбопашества. Благодѣтель выписалъ свѣ-

жихъ сѣмянъ и раздарилъ охотникамъ. На слѣдующій годъ они пришли и поклонились князю до самой земли. Добродѣтельный человѣкъ не уставалъ: онъ уже успѣлъ дать ходъ гагачьимъ шейкамъ, покупаемымъ теперь на Пинежской ярмаркѣ для выдѣлки изъ нихъ очень оригинальныхъ, прочныхъ и красивыхъ дамскихъ муфтъ. Самъ онъ изъ нихъ сшилъ себѣ пестрый широчайшій плащъ, непромокаемый и отличавшійся, сверхъ того, еще тѣмъ, что сизыя съ отливомъ, испещренныя бѣленькими бородками въ такихъ же квадратахъ шкуры эти отъ дождя и снѣга становились еще красивѣе и сизѣе. Шила плащъ самоѣдка, по обыкновенію, оленьими жилами на вѣковую прочность, принявши за выкройку широчайшій капюшонъ шинели военнаго покроя. Мнѣ плащъ понравился и я мимоходомъ его похвалилъ. Когда я сѣлъ въ сани, чтобы ѣхать по льду Печоры въ обратную, князь прислалъ слугу съ мѣшкомъ, принятымъ мною какъ послѣдній и обычный знакъ гостепріимства. Мнѣ думалось, что добрѣйшій человѣкъ позаботился снабдить меня съѣстною провизіей на время четырехдневнаго переѣзда по голодной Шетболѣ съ курными и неприступными избушками-кушнями. На рѣкѣ Мезени въ мѣшкѣ оказался тотъ самый плащъ, который практически служилъ на Печорѣ князю, а для меня лично являлся лишь рѣдкостною вещицей, на память и для показовъ.

На тотъ разъ снова цѣльно выяснилась маленькая фигурка большаго человѣка въ полномъ величіи той изящной простоты, которая такъ гармонировала и пришлась по мѣркѣ съ изумительною патріархальною простотой нравовъ жителей Печоры. Въ ихъ глазахъ, въ самомъ дѣлѣ, князь оказался и образцово-набожнымъ человѣкомъ, соотвѣтственно племенному характеру, какъ грузинъ, и святымъ, безгрѣховнымъ человѣкомъ — по личнымъ свойствамъ. Онъ заслужилъ чрезвычайное почтеніе еще при жизни, которое, несомнѣнно, должно перейти за предѣлы его подневольнаго временнаго пребыванія на далекой рѣкѣ и перенесется на его могилу. Невольно припомнились мнѣ: и могила Кипріана въ окрестностяхъ той же Усть-Цыльмы, пострадавшаго въ XVII вѣкѣ за приверженность къ расколу, и сомнительное мѣсто погребенія знаменитаго Аввакума съ четырьмя товарищами, сожженными живьемъ въ Пустозерскѣ. Пескомъ съ ихъ могилъ лечатся отъ сердитыхъ недуговъ и ходятъ сюда для поклоненія. Если жива и дѣйствительна ихъ память, то, по нѣкоторому

сходству участи, не откажетъ въ томъ же благодарное печорское населеніе неподкупному охранителю ихъ правъ, заступнику за ихъ интересы и, несомнѣнно, добрѣйшему человѣку. Выяснился передо мною и тотъ разительный контрастъ, который оказался между этимъ побѣдителемъ душъ и сердецъ и тѣми поморскими благодѣтелями, которые подвели подъ свою тяжелую руку беззащитную бѣдность страхомъ отказа въ помощи, денежною кабалой, требованіемъ перемѣны вѣры и смѣны обычаевъ, перекрещиваніемъ, насилованіемъ совѣсти и другими недобрыми дѣлами.

На этотъ разъ опять предстала передо мною эта высокая въ нравственномъ смыслѣ личность, скромными, неслышными способами получившая широкую извѣстность. Прошлою весной одно изъ вліятельныхъ лицъ, отправлявшееся на Печору съ важными порученіями и обратившееся ко мнѣ за свѣдѣніями, упомянуло объ Евсевіѣ Осиповичѣ Палавандовѣ и пожалѣло, что уже не можетъ воспользоваться его услугами и благотворною помощью. Когда послѣднія для меня оканчивались досаднымъ срокомъ поѣздки и надо было благодарить и прощаться, я рѣшился задать князю тотъ вопросъ, который онъ искусно сдерживалъ до сихъ поръ, — вопросъ, невольно напросившійся въ послѣднія минуты свиданія:

— Когда же вы, князь, соберетесь, наконецъ, оставить Печору, рѣшитесь перемѣнить худшее на лучшее?

Извѣстно было, что не одинъ разъ ему предлагали на выборъ любое мѣсто лѣсничаго во внутренней Россіи, даже въ теплой Малороссіи, только не за Кавказомъ, но онъ упорно отказывался.

— Зачѣмъ?—отвѣчалъ Евс. Осип. и мнѣ вопросомъ, какъ, вѣроятно, дѣлалъ и при формальныхъ запросахъ служебнаго начальства.—Печора дала мнѣ все, что не дала бы и родина. Здѣшній прелестный климатъ на старости лѣтъ закалилъ меня такимъ здоровьемъ, что могу даже отбавить другимъ желающимъ *). Такихъ людей, какъ здѣсь, мнѣ уже нигдѣ не найти. Нѣтъ, не могу вамъ сказать: до свиданія,—прощайте навсегда до возмож-

*) Печорскія долголѣтія замѣчательны. Въ деревнѣ Куѣ въ устьяхъ Печоры извѣстны были старики Корепановы (мужъ и жена), пробывшіе въ сожительствѣ 70 лѣтъ, а у старухи въ то же время жива еще была мать, пѣшкомъ навѣщавшая дочь изъ деревни Никитцъ. При этомъ они высоки ростомъ и 70-ти лѣтніе старики еще продолжаютъ промышлять на Новой землѣ.

ной встрѣчи тамъ, на небесахъ, въ будущей жизни. Вѣдь, я вѣрующій!... Для меня уже давно и безповоротно сложились всѣ мои желанія на-двое: либо на родину—въ Грузію, въ Тифлисъ, либо здѣсь—на Печорѣ, въ Усть-Цыльмѣ, продолжать жить и здѣсь же умереть.

Въ Усть-Цыльмѣ, на церковной горушкѣ, дѣйствительно насыпана могила князя рядкомъ съ тѣми многими, для которыхъ онъ посвятилъ всѣ слишкомъ двадцать послѣднихъ лѣтъ своей безупречной и небезслѣдной жизни. На старомъ церковищѣ остался небольшой холмъ: все размыло и унесло напоромъ рѣки; новое мѣсто настолько уже надежно и прочно, какъ самая память о незабвенномъ благодѣтелѣ забытаго и заброшеннаго края.

С. Максимовъ.